

Перед вами тематический выпуск топонимического альманаха, посвящённый 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

Альманах открывают письма жительницы Васильевского острова, написанные в самый страшный и трагический период блокады Ленинграда. Татьяна Константиновна Мягкова, писавшая эти письма своей дочери, не пережила чудовищную блокадную зиму 1941–1942 годов. Письма были переданы дочерью автора редактору журнала с пожеланием использовать их так, как он посчитает нужным. Увы, адресата писем тоже уже нет в живых, и потому мы посчитали не только возможным, но и необходимым опубликовать их как свидетельство эпохи. Мы только сочли нужным немного сократить их текст, дабы он вписался в формат нашего издания, и подготовить предисловие.

Остальные материалы альманаха не столь обширны. Во-первых, это исследование, навеянное недавней историей, когда Топонимическая комиссия три года добивалась от муниципалов посёлка Белоостров, чтобы они исправили ошибку в написании имени героя Великой Отечественной войны Ивана Петровича Лобачика на уличном указателе. Это частное, но отнюдь не маловажное событие подвигло одного из членов Топонимической комиссии, А. Б. Рыжкова, обратиться к биографии героя, к невыясненным до сего дня подробностям его последнего боя, а от них — и к истории института военных комиссаров в целом.

Во-вторых, это интересная работа краеведа А. Ю. Алексева, в которой он на основании архивных документов раскрывает неизвестные до сих пор подробности возникновения «военных» топонимов в Дачном в начале 60-х.

Кроме того, в альманахе вы найдёте вторую статью из цикла, посвящённого городам воинской славы, находящимся на территории Ленинградской области. На этот раз речь пойдёт о Тихвине. Также предлагаем вашему вниманию интересное исследование Владимира Гурковича из Симферополя о перипетиях топонимии этого города и Крымского полуострова в целом во время фашистской оккупации. По понятным причинам топонимика Крыма до последнего времени оставалась практически вне сферы интересов российских краеведов. Между тем крымские краеведы в последние десятилетия активно и весьма продуктивно исследовали родную топонимику, и мы с удовольствием вводим эту тему в научный оборот.

И наконец, мы публикуем статью об именах героев на карте посёлка Рождино Ленинградской области и соседнего посёлка Решетниково, ныне относящегося к Зеленогорску. Мы надеемся, что этот материал положит начало постоянной рубрике альманаха, посвящённой топонимике городов и посёлков области — теме, бесспорно, заслуживающей нашего внимания.

Г. Г. Мартынов

ОДНИМ ДЫХАНЫЕМ С ЛЕНИНГРАДОМ

Я никогда героем не была,
не жаждала ни славы, ни награды.
Дыша одним дыханием с Ленинградом,
я не героистовала, а жила...

О. Ф. Берггольц

«Февральский дневник»

Говорят, что душа человека жива, пока о нём помнят. Не имеет значения, близкие это люди, современники или потомки. Братскими могилами и множеством отдельных могильных холмиков на старых ленинградских кладбищах осталась в истории скорбная эпопея ленинградской блокады. Память о сотнях тысяч рядовых горожан, в них покоящихся, не может исчезнуть никогда.

Мы расскажем о судьбе одной женщины. Она не была выдающейся поэтессой, «блокадной музой», как Ольга Фёдоровна Берггольц. Она не была художницей, автором знаменитого «Блокадного дневника», как Анна Петровна Остроумова-Лебедева. Она была рядовой учительницей математики начальных классов школы на 15-й линии Васильевского острова и жила здесь же, на 5-й линии, в доме № 52. Её звали Татьяна Константиновна Мягкова, и её имя невозможно найти ни в одной энциклопедии или биографическом словаре. 8 сентября 1941 г. она оказалась замкнутой в кольце блокады. Считается, что к этому дню в Ленинграде находилось 2 миллиона 544 тысячи жителей.

Перед нами 43 послания (8 почтовых карточек и 35 писем, текст даётся в сокращении), написанных Татьяной Константиновной в сентябре 1941 — феврале 1942 г. Пожелтевшая бумага, плотно исписанная с обеих сторон, давно выцветшие чернила, полустершийся карандаш, строки, густо замазанные штемпельной краской при просмотре военной цензурой... Образы друзей, знакомых и родственников, обретших бессмертие на этих листках.

До сих пор этих документов никто никогда не видел. Мы получили их непосредственно от адресата Татьяны Константиновны — её дочери Марины Африкановны, летом 1941 г. окончившей Ленинградский государственный университет и служившей тогда медицинской сестрой в госпитале в Череповце, впоследствии жительницы Москвы. Увы, её самой тоже уже давно нет в живых...

12 сентября, пятница. Согласно хронике на Ленинградском направлении в этот день шли тяжёлые бои в районе Колпина. Пароход «Орёл» привёл на западный берег Ладожского озера первые две баржи с зерном и мукой. В Ленинграде — снижение продовольственных норм, отныне рабочие получают по 500 граммов хлеба в день, служащие и дети до 12 лет — по 300, иждивенцы — по 250. Этим же днём датировано и первое письмо Татьяны Константиновны Мягковой. В её квартире ещё работает телефон, который часто звонит. Все знакомые живы и здоровы.

16 сентября, вторник. Тяжёлый бой в районе Колпина продолжается. Рабочие Кировского завода, оказавшегося практически на передовой, дают фронту танки. Татьяна Константиновна пишет, что собирается в университет узнать о дипломе дочери. Обратим особое внимание на такие её слова: «Настроение бодрое. Чем могу, полезно помогаю нашему двору. Кажется, в этом отношении больше мне делать нечего. Переносу всю массу новых ярких впечатлений и ощущений даже на удивление самой себе очень спокойно. Привет тебе от меня, от наших друзей и знакомых».

И в письме на следующий день: «Отношение людей ко мне, стало заметно, очень хорошее. Я после, при нашей встрече, на которую не теряю надежды, расскажу тебе о том, какая я полезная старушка. В самые бомбёжки на чердаках по своей охоте торчала даже, пока наши мужчины ещё не раскочались. Теперь там людей хватает, и я не хожу. А интересно быть на чердаке во время боя — куда лучше, чем в подвале».

Какой огромной силой воли и окрыляющей душу верой нужно обладать, чтобы писать так, когда напряжение возрастает с каждым часом, идут бои за Слуцк (Павловск) и Пушкин и уже получено специальное задание по минированию промышленных предприятий! Впрочем, Татьяна Константиновна, как и другие рядовые ленинградцы, об этом знать не могла.

21 сентября, воскресенье. В этот день в одном из немецких документов сказано о жителях Ленинграда: «Настроение населения под влиянием жестоких ограничений в продовольственном снабжении, а также общего военного положения, чрезвычайно подавленное». Татьяна Константиновна получила диплом дочери. Правда, квартирный телефон уже не работает, и о знакомых она пока ничего не знает.

Но ленинградский сентябрь имел и другой итог. Он свидетельствовал о том, какие жестокие испытания предстоят рядовым горожанам, не так много знавшим, конечно, из официальных сообщений и потому об истинном положении вещей во многом ещё не догадывавшимся.

Во вторник, 30 сентября, Т. К. Мягкова пишет дочери: «На свет лимит маленький. Но я сыта вполне... Вид города меняется с каждым днём. Я с гордостью смотрю на наших ленинградцев, за исключением некоторых. Такие всё смелые, стойкие люди. Ничего-то они не боятся, ни о чём и ни о ком подолгу не плачут и вида не показывают о своём горе. Работают много все, прятаться как-то не умеют и не хотят. Последнее плохо. Ведь у нас есть места защиты. У нас в доме почти что одно из лучших получилось на все случаи...».

1 октября, в среду, в день, когда начались постоянные перевозки по Ладоге, нормы продовольствия в Ленинграде вновь оказались вынужденно снижены: для рабочих и инженерно-технических работников — 400 граммов хлеба в день, для служащих, иждивенцев и детей — по 200.

С этого дня тон и содержание писем Т. К. Мягковой, менявшиеся поначалу неуловимо, постепенно начинают приобретать резкие очертания безжалостного блокадного быта. «Давай-ка я пока лучше дальше углового магазина и почты подожду ходить... Я не знаю ничего нового ни о ком и ни о чём. Всё как-то держится в одном положении. Мы все к нему начинаем привыкать и приспособливаться — особенно это заметно по всё нарастающему благоустройству газубежища нашего дома...».

7 октября, вторник. Друг отца Марины Африкановны, Африкана Васильевича (умершего 18 января 1941 г. в Ленинграде в возрасте 55 лет), Василий Вялых предложил Татьяне Константиновне переехать к нему. «У него и печка-буржуйка есть, и картошка, и кормовая свёкла, керосин. «Поставим ширмочку» и будем жить вместе. Но я всё-таки подожду ехать, пока целы окна у нас самих... Керосин мы расходует очень экономно, так что я готовлю еду в своей печке... прикрыла трубу, оставив небольшую щель для нужной тяги, попросила ящик один из-под цветов расколоть на щепочки — и так хорошо всё получается, без дров и керосина обойтись можно. И тепло, и как-то симпатично. Дрова у нас есть, но их, конечно, надо беречь...». Ещё жив и кот Мишка, которого каждый из обитателей квартиры на 5-й линии Васильевского острова подкармливает, чем может. Но кошки — не люди, они не умеют есть «жмыховокартофельные небольшие лепешки» с «кислой капустой».

Перенесёмся на месяц вперед. (Как легко нам сделать это сейчас! Но что значило прожить каждый из тех дней в замерзающем Ленинграде 1941 г.)

25 ноября, вторник. Пять дней назад норму выдачи хлеба по карточкам снизили до катастрофического минимума: рабочим — 250 граммов, а всем остальным — 125. Да и что это был за хлеб? Костлявая рука голода сжимается всё сильнее. «Туже затягиваем мы наши пояса... В квартире холодно. Я ношу всё на себе самое тёплое и только потому согреваюсь. Ночью и пальто сверх одеяла кладу, и платок твой большой одеваю...».

Но нет, не об этом следует подробно писать. Обязательно нужно успеть сказать главное, благодаря чему человек при любых обстоятельствах остаётся человеком. «...Мишка наш вдруг исчез. Дня три найти его я не могла. Накануне он был, видимо, здоров — его хозяйка даже манной кашей его накормила. Нашла Мишку приглашенная специально Евд<окия> Осип<овна> в одном из ящиков

на тряпках — заснул кот мёртвым сном. Видно, смерть была мгновенная и лёгкая — судя по позе и месту, она произошла во время сна. Верно, был порок сердца что ли». И дальше — единственный раз во всех письмах Т. К. Мягковой — прорывается крик души измученного донельзя человека: «Жалеть не приходится. Кормить Мишу стало невозможно. Он не хотел щи с кислой капустой, какими живу пока я, а хлеба из 125 гр. много дать я не могла ему. Старалась кормить его его хозяйка, но всё это было не по вкусу по большей части Мишке — он жаловался и удивлялся».

Почти семьдесят четыре года прошло с этой даты, пройдёт ещё сто, двести, триста, пятьсот лет — навсегда сохранится память об этой крошечной блокадной трагедии, навсегда останется жить благодарная Мишкина душа среди близких ему людей, которых самих давно уже нет на свете...

Декабрьские письма Т. К. Мягковой написаны карандашом. Чернила, конечно, не кончились, они просто застыли, не выдержав «наружной» температуры в выстуженных ленинградских квартирах.

2 декабря, вторник. «Напишу тебе просто свои очередные переживания мелкого характера, вроде анекдота из жизни. Захотелось мне, старушке одинокой, никому здесь не нужной, тоже свою стограммную порцию шоколада получить. Срок получения истекал (был вечер 30/XI), а я ещё не встречала своей доли нигде. Услышала я, что довольно просто и очень хороший шоколад (60 р./кило) можно получить вечером во время тревоги в Росконде. Я так и сделала. Пошла себе потихоньку и стала. Стреляют зенитки, где-то (говорили прохожие) уже публика пострадала недалеко, а нас человек 15 собралось, пожалели нас — пустили и в магазин (около часа не пускали), и я в результате свою долю имела. Публика вся могла, стоявшая со мной, или в милицию попасть под штраф, или получить шоколад. Нам повезло. Милиционера близко не было. Так же я и домой вернулась...». О еде: «Я таки и без круп, без капусты и картошек — супы варю: лавровый лист, перец душистый<ый>, сухой сельдерей, <нрзб.> и пол<овина> ложечки чайной масла растит<ельного> (кончилилось и оно), соль, горчицы немного — с хлебом получается очень вкусно, и согреваешься при этом. Если не смотреть в тарелку, можно думать, что и крупа есть».

10 декабря, среда. Условия блокады требуют строжайшей экономии во всём. «У нас давно не горит свет,— пишет Т. К. Мягкова опять же карандашом. — Ложусь в 6 ч. вечера и всю ночь ворочаюсь — навьючу на себя тёплые вещи и всё мёрзну, или куда-нибудь в шёлку дует. Пока живём, видишь, с какими пустяковыми, в сущности, трудностями... Своих сухих полен у меня 35 штук, я из них только щепок для приготовления горячей «пищи» беру. И всё это переносу я без всякой грусти, ожидая лучшего и помня, что это всё ещё очень хорошее положение сравнительно с очень и очень многими другими — хотя бы у тех, кто попал к немцам... Живой должен о живом и думать...».

25 декабря, четверг. Повышены хлебные нормы. Для рабочих — по 350 граммов в сутки, служащим, иждивенцам и детям причитается по 200 граммов. Письмо от Татьяны Константиновны совсем короткое, всего несколько строк: сил, по-видимому, осталось немного: «Сегодня хлеба прибавили. Теперь, думаю, не будет столько беды от истощения. Всё же на 75 гр. в день нам, иждивенцам, больше. Поздравляю с наступающим Новым годом. Шлю самые лучшие пожелания...».

Год 1942-й. Январь. Сколько же прошло с того сентябрьского дня? Всего четыре месяца. В мирной, нормальной жизни они пролетели бы совсем незаметно... Скрывать собственное состояние, однако, уже невозможно. «Я так обдумываю каждый свой шаг, чтобы не умереть от истощения,— пишет Мягкова в четверг, 1 января. — Очень многие пухнут и умирают. Я не вспухла и чувствую себя лучше в последнее время после прибавки хлеба. Считаю себя на положении больной и строго слежу за режимом, который себе придумала. Не беспокойся обо мне».

И вот наконец 23 февраля 1942 г., понедельник. В Ленинграде относительно тихо, всего 10 снарядов упало на город за сутки. К тому же они никому не причинили вреда. Ещё одно письмо, последнее в пачке писем Т. К. Мягковой. Написано чернилами, ровным красивым почерком: «Переехать теперь в более спокойное место я не в силах. Лестницы для меня трудны, да и дороги

не по силам. Буду ждать тебя здесь. Здоровье моё при нормальном питании и обстановке, верно, будет много лучше, если уже не восстановится: у меня прекрасный желудок, и когда я бываю сыта, то и двигаюсь увереннее. Весь организм сильно ослаблен, истощение было такой степени, за которым уже идёт смерть, но момент мною был своевременно подмечен, я ничего не пожалела для обменов и благодарностей — и выплыла опять на жизненный простор, как, помнишь, лягушка сбила масло и выскочила из посуды...».

Что произошло дальше? Всех подробностей мы уже никогда не узнаем. Возможно, было ещё несколько писем, но до её дочери, Марины Африкановны, они не дошли. Татьяна Константиновна Мягкова, как и сотни тысяч рядовых ленинградцев, жертв блокады Великой войны, достойно прошла свой крестный путь до конца. Она умерла в марте 1942 г. Прах её покоится в одной из братских могил Смоленского кладбища.

ПИСЬМА ИЗ БЛОКАДЫ

Татьяна Константиновна Мягкова — Марине Африкановне Мягковой

1

12/IX 41 г.

Родная моя! Только что получила твою телеграмму и поспешила на почту ответить на неё. Вчера звонила мне бабушка Киры о телеграмме от неё. Твоя послана вместе (5-го), а получена позже почему-то. Я боялась, что твоё молчание можно объяснить чем-то плохим для тебя. Теперь успокоилась. Все наши знакомые здесь здоровы. Веля вчера переселилась к нам. Валя с Женей тоже как-то спали на твоей кровати, но теперь познакомилась с женщиной, живущей в швейцарской, и эту ночь почти всю были там. <...> Крепко, крепко целую тебя и Кирочку. — Т. М.<ягкова>.

2

16/IX 41 г.

Здравствуй, Марина!

Письмо твоё получила, телеграмму тоже. <...> Веля у меня живёт. Забочусь о ней, как умею. Она очень хорошая. Аня приходила 6-го сент.<ября> вся в слезах: мама с 1-го числа исчезла среди белого дня, часов в 12. Сумочку с бумагами нашли, а больше пока о ней ничего не известно. В то время у нас здесь было совершенно спокойно. Аня с того времени, с 6-го, не была ещё у меня, и я больше о ней ничего не знаю. Люся и бабушка тобой интересуются, как всегда. Веля начала писать тебе письмо. Сейчас пойду, узнаю о твоём дипломе — давно не была и не знала, где он может лучше сохраниться. Веду я себя прекрасно. Настроение бодрое. Чем могу, полезно помогаю нашему двору. Кажется, в этом отношении больше мне делать нечего. Переносу всю массу новых впечатлений и ощущений даже на удивление самой себе очень спокойно. Привет тебе от меня, от наших друзей и знакомых. Поцелуй от меня Кирочку. — Т.

3

17/IX 41 г.

Здравствуй, Мариночка!

<...> Обо мне не беспокойся. Очень хорошо, что я осталась здесь: здесь я хотя немного пользы приношу людям, и нет сознания, что в трудную минуту я ушла от наших с тобой друзей без всякой для того причины, кроме желания избежать опасностей. Я забочусь о Жене и Вале, вообще — о ком могу, утепляю и кормлю твою Велю, чтобы и она была более работоспособной. Отношение людей

ко мне, стало заметно, очень хорошее. Я после, при нашей встрече, на которую не теряю надежды, расскажу тебе о том, какая я полезная старушка. В самые бомбёжки на чердаках по своей охоте торчала даже, пока наши мужчины ещё не раскачались. Теперь там людей хватает, и я не хожу. А интересно быть на чердаке во время боя — куда лучше, чем в подвале. <...> — Т. <...>

4

21/IX 41 г.

Здравствуй, Мариночка!

Все мы здоровы в нашем доме, родные Кирочки тоже. Веля через пять дней будет медсестра — сейчас сидит около меня, готовится к испытаниям. Твой диплом об окончании университета у меня. О Серёже ничего не слышно, нет его и среди погибших. <...> Телефон не работает — о знакомых ничего не знаю. Обо мне не беспокойся и денег не высылай — от пенсии у меня даже останется рублей двадцать. <...> Твоя Т. М.

5

26/IX 41 г.

Здравствуй, Мариночка!

<...> Диплом об окончании ВУЗа тобою у меня. В университет уже раз попал снаряд из дальнобойного (в истфак), а дипломы давали из главного здания. Я решила, что лучше диплом пусть будет у меня храниться. Ещё раз повторяю, что ни одной минуты я не пожалела, что осталась здесь. Настроение всё время бодрое. Я сама собой даже довольна. Продолжаю быть полезной по дому, по собственной инициативе находя очень нужные дела. Встретимся если когда — расскажу. Гасовских дом здорово встряхнуло. Около них и Анатолий с Верой. Дом тех цел, но многие качнуло, как картонные, и развалило. Веля два раза случайно уцелела. Она хочет тебе написать ещё одно письмо, хотя от тебя что-то нет вестей. Но ты, верно, очень занята. Что бы со мной ни случилось — никогда не жалею, что мы сейчас с тобой не вместе. Наше решение мне остаться здесь — хорошее, другое было бы против моей и твоей совести. Крепко целую, твоя Т. М. <...>

6

26/IX 41 г.

Милая, родная Мариночка!

Сейчас только написала тебе одну открытку — получила два письма твои и села отвечать на них. Телефоны нашего дома не работают, я ничего ни о ком из тех, о ком ты спрашиваешь (Люся, Татарчуки), не знаю. Знаю только, что дома их целы. В Люсином, м<ожет> б<ыть>, стёкол только нет. Володя давно не писал. Он ослабел, едет в обозе в город, но доедет ли — нельзя сказать. Писем от родичей нет. Талья, Люба и Лёва, верно, погибли. Диплом твой я получила. <...> Т. М.

<...> Не падай духом, моя девочка, что бы здесь ни случилось, особенно со мной.

7

30/IX 41 г.

Милая моя, хорошая Мариночка!

<...> За площадь 32 руб. берут, а телефоны выключены — верно, и платить не надо, узнаю сегодня. На свет лимит маленький. Но я сыта вполне.

Вид города меняется с каждым днем. Я с гордостью смотрю на наших ленинградцев, за исключением некоторых. Такие всё смелые, стойкие люди. Ничего-то они не боятся, ни о чём и ни о ком подолгу не плачут и вида не показывают о своём горе. Работают много все, прятаться как-то не умеют и не хотят. Последнее плохо. Ведь у нас есть места защиты. У нас в доме почти что одно из лучших получилось на все случаи. <...> Веля зубрит. Скоро, 6-го окт<ября>, станет мед. сестрой. Э<мелина> Ю. не захотела с ней познакомиться, грубо отвернулась и не подала руки,

называет почему-то «мокрохвостая девчонка» — ненавидит Велю, хотела запретить ей жить у нас, грозила штрафом в 3 000 и трибуналом. Но я дала паспорт Вели в прописку (раньше сам управ<дом> разрешал — я два раза спрашивала — жить просто с его ведома, и только). Теперь Веля будет наша временная жилища. Забочусь о ней как могу. Липочка Велю оценила. Обе бегают «спасаться» во время тревог. Э<мелина> Ю. не всегда уходит, а без неё не хочу уходить я — и имею для этого некоторые основания. От Володи нет писем, всё посланное ему вернули. Э<мелина> Ю. не просто горюет, а стала как сбесившееся животное. Всех нас ненавидит и обещает кому-то отомстить. <...> Т. М.

8

1/X 41 г.

Родная моя девочка!

<...> Время моё всё заполнено — то частыми (через день) дежурствами, то приготовлением еды, уборкой, небольшим участием в делах по дому. Хотела больше работать, но пока Веля у меня — жаль бросать девушку, да и сил моих на большее, верно, не хватило бы. <...> Давай-ка я пока лучше дальше углового магазина и почты подожду ходить, да вот ещё к бабушке Кирочки. Я не знаю ничего нового ни о ком и ни о чём. Всё как-то держится в одном положении. Мы все к нему начинаем привыкать и приспосабливаться — особенно это заметно по всё нарастающему благоустройству газозубежища нашего дома. Крепко целую. Т.

9

4/X 41 г.

Моя родная девочка!

Получила от тебя короткое, как и все твои письма, но такое ласковое, задушевное письмо... Да, моя хорошая! Так хотелось бы конца войны и встречи с близкими людьми. Каждый прожитый день в обстановке нашего Л<енинграда> считаешь даром судьбы, милостью её к тебе. И долго ли будет такая милость — как угадать, задумываться бесполезно. Сейчас 9 ч. вечера. Моя «новая дочка» уехала в гости с ночёвкой к свекрови. <...> Словом, я сегодня вечером была бы одна, но около меня всё жалась Липочка. Она и спускаться во время тревог ленится (устала), и одна умирать не хочет. Пришлось её чаем утешить. У меня таганчик мой чудесный. Кастрюльки удобные для него наши маленькие. Я устроена прекрасно. Кормимся с Зиной сами, без столовых. Пожалуй, если бы не Зина, я бы не старалась так стряпать, а Зина строго следит, чтобы я ела тоже с ней — итакая настойчивая во всём, что с ней не поспоришь. Но это всё пустое. Кончилась тревога, Липа попила чайку и ушла к себе. Иду спать.

<...> Крепко, крепко целую тебя, родная! Твоя Т.

Привет тебе от Липочки, Татарчуков, Антоньевых, Миранловых <?>. Опять тревога. Иду спать. Ещё раз целую. Береги себя. Т.

<...> Я только таким путём, вкладывая в конверт лишний листок, могу снабдить тебя почтовой бумагой. Мне отвечай на половинке листика, а целый пригодится на другое письмо кому-нибудь.

Не горюй ни о ком и ни о чём, а живи, честно работая и стараясь использовать все радости жизни, если это никому не делает больно из хороших людей.

10

5/X 41 г.

Милая моя Мариночка!

<...> Спасибо, родная моя, за заботу! Мне денег хватает и в размере моей пенсии. Я живу скромно, как и все; даже от прошлого месяца остаётся немного денег — я частями уплачиваю

долг О. П. Я написала тебе несколько открыток, послали мы с Тamarой телеграмму, послала я тебе и одно заказное письмо с десятью марками. Публика ленинградская теперь шлёт так много телеграмм, что скапливается огромная очередь и мешает телеграфу работать быстро. <...> Т. М.

11

6/X 41 г.

Дорогая, милая Мариночка!

Поздравляю тебя и Кирочку с праздником! Спасибо за деньги и письмо. Как скоро пришли они. Ещё раз — спасибо за заботу, но лучше не посылай мне, а кормись сама покрепче. У нас ведь пока купить на эти деньги продуктов сверх нормы мы не можем, а на норму и пенсии слишком много. Обо мне не беспокойся. Я бодро себя чувствую и верю в лучшее. Я так рада, что Э<мелина> Ю. уже давно не ходит ко мне и не говорит своих новостей. Я слушаю радио и читаю газеты — этого с меня довольно.

Посылаю тебе парочку конвертов. Я вижу, что нет их у тебя. Следи за тем, Мариночка, чтобы не потерять силы до крайности. В молодости надломить здоровье очень легко. Мы не имеем права халатно относиться не только к чужому состоянию организма, но и к своему. Я забочусь о Зине. У нас строгий порядок дня. Надо помочь ей родить нормальное существо. Надо уметь бороться за существование в любых условиях жизни. Ты это учти, девочка моя хорошая, тоже. Очень скучаю без тебя. Жадно ловлю проблески близости конца войны. Мечтаю о встрече с тобой. Купила ещё одну «чудо-печку» — очень уж соблазнительная показалась. Пока, конечно, и думать нечего ею пользоваться, но ведь будет же и лучшее время. Крепко-крепко целую. Твоя М.

12

7/X 41 г.

Милая моя Мариночка!

Получила я твою открытку от 24/IX. Очень рада, что вы таки получили наши письма. На будущее время так и знай, что надо быть терпеливой и всегда надеяться на лучшее, чтобы не впадать в хандру. Теперь о хандре крепко забыть надо. Веля нет-нет да и начинает поддаваться хандре. Я не веляю. <...>

Обо мне не беспокойся. Посмотри на почерк писем моих — и пойми, что я закалилась во всех впечатлениях и на редкость спокойная и бодрая. Был у меня сейчас Вася Вялых. <...> Звал к себе жить. У него и печка-буржуйка есть, и картошка, и кормовая свёкла, керосин. «Поставим ширмочку» и будем жить вместе. Но я всё-таки подожду ехать, пока целы окна у нас самих. Вася своё окно заделал досками и песком, а я просто развязала твои ширмы и поставила их между окнами — во время тревог и ночью задвигаю, да ещё и чертёжная доска стоит между окнами. Тоже будто укрепились, хотя бы на случай стёкол одной рамы. Живём мы с Велей в одной большой комнате, а твою освободили по предложению нашего жакта для временных жильцов из Володарского района. Но пока жильцов нет. В меньшей комнате оставила я свою кровать, накрытую красной нашей полосатой дерюжкой, кровать маленькую без перинки (она пока у Велиного Жени, как и большое ватное одеяло, а то их вещи ведь пропали в Кашире <?>). <...>

Керосин мы расходует очень экономно, так что я готовлю еду в своей печке на том замечательном таганке, который когда-то сделала на курсах политехнизма. Подогнула ему ножки, он короче и устойчивее стал, прикрыла трубу, оставив небольшую щель для нужной тяги, попросила ящик один из-под цветов расколоть на щепочки — и так хорошо всё получается, без дров и керосина обойтись можно. И тепло, и как-то симпатично. Дрова у нас есть, но их, конечно, надо беречь. Наливаемся мы с Велей кофе. По три чашки крепкого пьём. Это сытно. Конфеты и сахар у нас есть — мне и то 1500 гр<аммов> полагается. Немного дают мне как пенсионерке продуктов,

но я ухитрюсь и этим количеством делиться иногда с Велей и с котами соседки. Очень уж жалю их. <...> Т. М.

13

8/X 41 г.

Доброе утро, родная моя!

Сейчас 6 ч. 19 м. утра. Я так рано ложусь, так много приходится вылёживать, что всегда с терпением жду утреннего радио и быстро встаю и ухожу за хлебом, или на почту, куда-нибудь из квартиры на свежий воздух на часок. Лежать приходится — еды иначе не хватит для восстановления сил. Это понятно. Зину тоже я укладываю часов на 10–12 в день.

Праздник прошёл очень хорошо. Речи т. Сталина внесли такую бодрость, вызвали ещё большую веру в победу и любовь к нашему вождю. Какой он хороший у нас и умный! Какая исчерпывающая простая и умная его речь — и одна, и другая. Мы с Орлихой на радостях, услышав её, расцеловались и весь праздник провели вместе. Зина поехала по родственникам на два дня, а мы и шикарно пообедали вместе, и кофе, чай пили — запасливая соседка угостила меня очень крепко и вкусно. Вечером проведаль Вася Вялых. Подарил мне две порции о<сень> хороших щей (специально привёз из своей столовой) и пропуск в свою столовую. После его ухода и девочки Ант<оньевы> угощали меня чаем с хлебом и сахаром, тетушка пышкой (ей кто-то три принёс). А среди дня я спасала от обморока Дердоренко Г. Д.: ставила грелки к ногам и давала горячего нашего настоящего кофе. Ожил на этот раз. Вот так день и прошёл, и передавали чудный концерт по радио. Целую крепко. Т.

Перед праздником немец очень долбил Кам<енный> остров дальнебойными. Близко от нашего дома ложились снаряды. Обещал совсем не дать жизни на праздник. А вы нашли того, кто нас беспокоил — и совсем вчера ни одной тревоги не было. Мы очень хорошо отдохнули и успокоились вчера. Спасибо нашим родным защитникам!

14

9/X 41 г.

Дорогая моя, родная Мариночка!

Вчера получила я твою открытку от 28/IX. Радуюсь, что скоро дошла. <...>

У меня 4 шефа-«кавалера», так моих знакомых мужчин называет Липочка. Вася Вялых, Вася Ильин, Коля Пильчак и Сеня. Каждый в недалёком будущем собирает меня снабдить чем-то съедобным. Всем кажется, что паёк пенсионеров не достаточен, чтобы уделять от него Веле и котам соседки. Веля сейчас сидит с «Хирургией» и досматривает — сейчас второй час, а в 2½ идти надо сдавать. Бедняжка много хуже тебя снабжена одеждой, обувью. Ей холодно и просто прямо-таки нечего одеть в отн<ошении> кофт. Пришлось поделиться. <...> Теперь она так мёрзнуть не будет. 11-го или 15-го закончат курсы сестёр, и, верно, возьмут на казарм<енное> положение куда-нибудь в госпиталь, а м<ожет> б<ыть>, и прямо на передовые.

Я связалась с распределением дежурств по охране нашего дома и чуть не плачу: то только за себя дежурила, а то ходят меня наши бабы ни за что ни про что ругают и отказываются выходить к дому <так!>. Холодно стало — вот и упираются. Отказываюсь от чести руководить этим делом — управхоз просит продолжать, не бояться баб. Не было у меня своих неприятностей, так влезла сама. Ну да это пустое.

Добирается враг и до нашего острова. Не действует уж больше на него ни кладбище с покойными предками родственниками, ни Кирка. А мы как раз до такой степени привыкли к шуму с Велей, что почти не спасаемся. В убежище шумно, делать нечего, спать негде (дети спят). Последнюю ночь шесть часов шла тревога, а мы спали дома самым мирным образом. Одна Липочка всё стала ещё усерднее бегать вниз. У нас теперь это удобно — прямо с парадного хода идём, минуя

швейцарскую. Что из этого выйдет — не знаем, но вот и Антоньевы, и мы сидим под всю музыку битв в воздухе и звуков падающих фугасок или кофе пьём, или спим на своих постелях. И ведь даже днём-то я не могу себя заставить проникнуться опасностью положения и хотя бы на момент припугнуть себя. Сенья тоже не прячется, хотя кругом и есть что увидеть и услышать, очень поучительное и в большом размере. Обстрелялись вроде, что ли — или мы люди ленивые такие, или устали, что не хочется так бежать вниз. Ты прости мне это, Мариночка!

Крепко целую тебя и Кирочку. Твоя Т.

15

6 ч. 10 м. утра 10/X 41 г.

Дорогая моя Мариночка!

Слушаю утреннее сообщение (ответ т. Калинина Рузвельгу) — и пишу. Вчера дежурила у ворот от 4 до 6-ти вечера и любовалась своими согражданами. Их верно характеризуют в газетах и радио как мужественных, стойких людей. Бойцы, бывающие у нас с фронта, могут убедиться, что мы здесь продолжаем каждый делать своё дело в любых условиях. Немец опять вчера начал посылать снаряды из дальнбойных по соседству с нашим домом. Треск разрывов, свист полёта только ускорили у некоторых шаги, а дети напротив меня продолжали играть, женщины шли с тазами и ребятами в баню, девушки, не торопясь, шли, обсуждая свои дела, не касаясь происходящего. Редко, редко какая-нибудь мать с ребёнком во время особенно сильного треска забегала ко мне в парадное и на секунду останавливалась «в укрытии». Снаряды падали в Неву всё больше за Малым <проспектом В. О.>. Недавно били и на Среднем, на 2 л<инии>. Замолчали орудия пока. Трудно скоро обнаружить эти «кукушки», но ведь это так понятно: мы — фронт.

Мариночка! Хотят очистить Северную <железную> дорогу скоро. Не привезти ли мне тогда тебе самой твой диплом и тёплые вещи (шапку меховую, перчатки, валенки, шарф, тёплое платье). Я бы погостила у тебя недельки две и назад бы приехала, а Орлиха о тепле в комнатах позаботилась, да и Антоньевы тоже. Как думаешь?

Крепко, крепко целую тебя, моя хорошая. Обо мне не беспокойся. Хотя я решила не ходить в столовую Васи В<ялых> (срок не подходит — темно и далеко), но мы с Зиной получили подарки по случаю праздника (крупу) и воспрянули духом. Подарили родств<енники> Зине, но она обязательно и настойчиво делится со мной.

<...> Как-то умирать так не страшно стало, особенно после речи Сталина. Главное — страна победит. <...>

16

12/X 41 г.

Хорошая ты моя, родная Мариночка!

Вот уже и 12 дней октября прошли. Веля сдала все экзамены и зачёты и ждёт назначения. Сегодня первый день у неё без зубрёжки. <...> Я перестала работать по дому. Условия такие для меня непосильные, что только себя угробишь без пользы для дела. Я свою долю дела сделала, с большим напряжением подвинула это дело, а теперь почувствовала себя крайне усталой (свалюсь — кому нужна здесь?) и категорически отказалась тащить одна эту нагрузку, связанную с беготнёй по лестницам и большой ответственностью. А главное — есть молодые свободные люди. Дома дела по самообслуживанию прибавилось. Надо всё варить и кипятить кофе на щепочках на таганке в печке. Это всё идёт довольно медленно, но приятно. Продуктов кавалеры мои не несут, да и не нужно — как-нибудь проживу и без них. В этот месяц меньше дали нам сластей, но зато мы с Велей научились дорожить каждой крупинкой, удовольствие испытываем, как и при большей порции.

Немец кинул фугаску на Первой линии около церкви — не разорвалась, кинул в твой химвак — и тоже не разорвалась, вред небольшой причинила. Здесь на В. О. ещё мало что разрушено. Последние два дня как-то слабо вообще враг наш работал — все бомбы его пробивали не больше двух этажей, а на дом, в котором живёт подруга Вели, была почему-то на крышу брошена на рельса. В окопах видели немцев, закутанных в белые тёплые платки, как твой, кутающихся в тёплые одеяла, занавески, как французы 12-го года... Обовшивели они там, небритые. Приехали люди из Кронштадта — там хорошо моряки отгоняют налеты от острова и бьют их над морем. Больше 10 м<инут> тревоги не бывают, а ночью и вовсе спокойно. Нас давно уже тревожат только с воздуха, и то слабее как-то эти дни. <...> Стала я не любить ходить дальше угла к магазину. Там и хлеб, и всё есть. Стало холодно, замерзает вода в кадучках для гашения бомб зажигательных. Пока наши ленинградцы не хуже москвичей тушат бомбы и пожары. Я ночью дежурила всё через день, а то и каждый день. Иногда бывают пожары, но так быстро ликвидируются, что и не успеешь догадаться, где горит, как уже и нет огня. Нет, русских немцу не ослится, как бы он ни тужился и ни лез вперёд. Вперёд ему трудно даётся, а уж как назад «молниеносно» откатится, только пятки засверкают. И верю я, что скоро это будет.

Крепко целую тебя, мою родную девочку! <...> Твоя Т. М.

Привет тебе, Мариночка, от Липы и Вели, а других как-то не видела последние дни. Будь умницей, не хандри — теперь не время хандрить. Напиши порядок своего дня, как живешь. <...>

17

13/X 41 г.

Милая моя Мариночка!

<...> Сегодня меня провела Наталья Алексеевна. Андрюша поехал с поручением на место своей «родины» (как думал Африкан). Ира здесь, работает в госпитале. <...> Я здесь не одинока, но очень хочется думать, что мы с тобой, моя родная, ещё увидимся, и я смогу позаботиться о тебе ещё годик-другой. Но если случится что со мной (я с сегодня решила беречься) — ты не забудь, что кроме тётки Тали и Любы (их, верно, нет уже) тебя искренно любят и рады будут видеть сестра Африкана и твои двоюродные сестры — Надя и Соня. <...> Печковский не знаю, где, а маму его в его даче и вместе с ней разбомбили, как, верно, Талю нашу, Лёву и Любу. Ну и что же? Война!

Крепко-крепко целую тебя, моя родная, любимая, хорошая! Твоя Т. <...>

18

15/X 41 г.

Дорогая Мариночка!

<...> Интересно, есть ли у вас там радио и что вы о нас знаете. Переживаний остро тяжёлых пока у меня нет. Я не испытала ещё чувства страха. Но вот была у нас как-то Ольга Ивановна, та осталась уже без угла и каждую тревогу переживает болезненно тяжело. <...> Я всё ещё не спешу в убежище. Такие разнообразные виды, случаи гибели людей, что нельзя понять — надо ли куда торопиться. Сердце у меня слабое что-то, и если бы я всё это время «спасалась», а не сидела спокойно у себя, то и совсем бы раскачала его. Умная Тася первые дни всех тащила спасаться, а теперь и дом наш как-то здорово вздрогнул — и тогда никто из них не пошёл вниз, а я только сквозь сон поняла, что нас встряхнуло, и продолжала спать дальше. Мы даже и сами понять не можем причины беспечности, какого-то пока равнодушия ко всякого рода возможностям. А ведь теперь В. О. тоже меняет свой вид, и близко от нас. Ты на меня только, родная, не обижайся и не думай, что это я как-то тебя мало люблю и потому не берегусь. Я всегда больше всего на свете любила и люблю тебя. Может быть, я, именно не бегая от смерти, скорее уцелею, если нам суждено ещё встретиться и пожить вместе. На случай пожара и случайных осколков я готова, а бомбы

так раз но стучают, так иной раз странно падают, что лучше не стараться заранее угадать, что ждёт именно меня. Я прошлый раз шутя писала тебе, что рельсу бросил враг на дом. То ведь, оказывается, та рельса случайно беды не наделала: ею должна была быть пробита крыша для хода зажигательной жидкости, чтобы зажечь уж не крышу и чердак, а квартиры. Так теперь вместо прежних зажигательных бомб у нас враг старается.

Мы пока жили и сегодня вот сейчас живём с Велей по-старому. Один из моих кавалеров, Шурин Вася, кормится у Антоньевых и дал им недавно конины и картошек, а Тася мне принесла немного и того, и другого. Мы с Велей супу наелись крепко. Обе даже и не почувствовали, что это конина. Я хорошо приготовила — запаха не было. Наварила на два-три, может быть, дня. Дали мне по карточке крупы 200 гр. на 10 дней, масла постного 100 гр., 50 гр. сахара, 100 гр. конфет, колбасы 100 гр. взяла. Хлеба пока не уменьшили — мне 200 гр. в день. Я экономно рассчитала всё на каждый день, да ещё дары Таси, да кое-когда Липа вынесет то сухарики, то сахар, то горох как-то, печенья по кусочку, конфетку. Как-то живем понемногу. Ищу кофе натуральный, прошу всех купить мне его, но, кажется, опоздала, а ещё так недавно его было очень много и везде. Кофе очень помогает в еде. Тётушка Антоньева мне подарила его немного, но я хочу иметь свой с полкило по крайней мере. Если будем живы, дров купить надо, но пока есть они у меня, и на месяц или даже два должно хватить. Странно чувствовать себя уже ни на что не годной, кроме самообслуживания. По дому не работаю — едва не свалилась. Обратились с просьбой занятия детей школьников вести при жакте — отказалась. Да столько молодые так свободных учителей, пусть они поработают. В своё время, когда я была в силах — ты помнишь, за трёх часто я работала (две смены, плюс нагрузки). Я хочу попытаться теперь уберечь уходящие силы для того, чтобы не быть просто в тягость окружающим. Само государство, дав мне пенсию по возрасту, даёт мне этим покой, разрешение не работать.

Крепко целую тебя, родная! Твоя М. <...>

19

18/X 41 г.

Дорогая моя, милая Мариночка!

<...> Нам здесь два дня передышки не было. Ночи и почти два дня были совсем без тревог, но вчера опять началось.

Веля сегодня ушла от нас в эвакогоспиталь на казарменное положение, а на своё место у нас пристроила подругу. Управ обещал, что пропишут, а с Эмилиной Ю. я, с её огорчениями (!) так!, я уж считаться не могу. Эту подругу Веля ты не знаешь. Она филолог, спешно кончила, как и Веля, — и с путёвкой на работу и железнодорожным уже билетом в Оренбург — застряла здесь. Ей 21 год, тоненькая, как цыплёнок, хрупкая, вдова командира-моряка (два года «счастлива» была), погибшего «смертью храбрых» при эвакуации Таллина. 5 месяцев беременности. Сидела она одна на весь 4-ый этаж общежития, откуда ушла Веля, и мёрзла (стёкол нет). Как-нибудь дождёмся, может быть, лучших дней, а не дождёмся — так хотя некоторое время, хотя вот вчера уже мы с Велей оставили эту вдову ночевать, она радовалась теплу и нашей заботе и ласке в отношении к ней. Велю собрала, как могла, хорошо. Я дала ей всё, что могла, из необходимого, не в конец обижая тебя. Сказала, что это всё даю «на пока» — рассчитывается пусть Веля сама с тобой. Чемодан и рюкзак нагрузила девушка и, очень тронутая моей заботой, ушла от нас.

Бедная беременная вдова — существо кроткое, с грустными добрыми глазами, очень хозяйственная, спокойная. Умеет и жить и вязать, стирать — и видно, умненькая, скромная. Она получила уже как жена командира много денег, отложила на роды и рождение младенца, уже ему приданое готово, а теперь собирается обшивать и обвязывать бойцов. Возьмёт материал домой из мастерских при университете, и мы вместе с ней этим делом предполагаем заняться. Ей большего

сделать сейчас не позволяет её довольно большой срок беременности, а мне — моя уже таки старость и сердце. <...> Твоё осеннее пальто хранится у Фирочки в приданчатом зеркальном шкафу, а я нощу твоё зимнее пальто, кофточку, кот-орую мы у Люси купили, платок шерстяной, валенки с калошами, на мне много чего надето. На случай пожара — чемоданчик со сменой белья, с твоим тёплым платьем и шерстяным шарфом. Твой диплом во внутреннем кармане кофточки в правом, а мой паспорт и пенсия книжка — в левом. Сплю с ними. <...> В жакте теперь есть телефон — и люди ко мне там расположены, я буду пользоваться, мне позволили, этим телефоном. У Татарчуков работает. Веле дала номер этого телефона, позволили.

Крепко, крепко целую тебя и Кирочку. Твоя мама.

<...> А между тем этот «мазурик» немец (так Андр. называет) принял за наш остров и дома громит совершенно мирные и небольшие. Удивительно спокойно на душе. Никогда не думала, что всё страшное издали — так просто вблизи.

20

23/X 41 г.

Милая Мариночка!

<...> Посещает нас «плешивенький» Вася Вялых. Звал меня хотя немного пожить у него — погостить, даже угощать чем-то предполагал. Но я спросил: «а регистрируемся?» — он сказал, что нет, и я не согласилась портить своей репутации честной вдовы. Васю мы облагодетельствовали в один его визит. Подарили, вернее уступили, душистого перцу пакет, новую перечницу, дали поносить коричневую папину поддёвку, а его очень рваную оставили починить, дали старые штопаные перчатки «на пока» (нет в продаже) и обещали сшить рукавицы. Вася ведь много работает, человек городу нужный. Он так растрогался, что тоже скоро приехал с подарками: свёклу привёз, горчицу, горчичницу, лавровый лист и тарелочку.

Мы увлекаемся приведением в порядок своего хозяйства. Зина органически непереносит. Я всяко стараюсь идти навстречу всему, что её отвлекает от тоски по мужу. 7-го октября она получила извещение и упала в глубокий обморок. Теперь понемногу успокоилась.

<...> Твоя Т. М. Часто думаю о тебе, скучаю. <...>

21

25/X 41 г.

Милая Мариночка!

<...> У нас здесь тихо и днём, и ночью пока. Моя «вдова» собирается к родителям в Оренбург и очень зовёт меня с собой. Она уезжает (если это возможно) с семьями моряков. Я отказалась ехать. Ты здесь близко, здесь привычный мне родной угол, если судьба — умру лучше дома. <...> Я люблю, как умею, и Велю, и Зину. Я сделала для них максимум того, что могла, и своей тратой сил, даже моих скромных продовольственных возможностей, материальных. Вот эта стирка, такая трудная теперь (прачки не найти, а прачечная закрыта при <?>). Мои хлопоты, наши дрова — я сама для себя ничего не стираю в прачечной — здесь проще, дома. И откровенно говоря, я очень рада буду опять остаться одна. Для меня это полезнее. Прошу никого мне не посылать больше «в дочки» — иначе я не доживу до встречи с тобой, устала. Крепко тебя целую. Т. М. <...>

22

31/X 41 г.

Милая Мариночка!

<...> Новостей мало, всё те же они, грустные, военные. Устаю и стала беречь силы, без толку их не тратить — хочу тебя дождаться; если уцелею от бомб и снарядов, то надо не израсходовать силы напрасно и постараться помочь отдохнуть тебе после войны. Только и думаю, и живу — вестями

с фронта по радио, газетам, рассказам. Строю свои выводы. Они у меня бодрые всегда. Я думаю, что этот месяц решающий. Выдохнется немец за этот месяц, всё чаще будут задерживать его на пути — затопчется он всюду некоторое время на занятых местах, ни назад, ни вперёд не двигаясь, а затем откатят его и совсем восвоится. Надоел он здесь нам — опять всё стреляет откуда-то. Если встретимся когда, многое расскажем из пережитого.

Крепко-крепко целую тебя, мою родную, любимую. Т. М.

23

12/XI 41 г.

Здравствуй, родная моя девочка!

Вот и ещё письмо от тебя получила. <...> Я хочу жить с тобой и для тебя, но и смерти не боюсь. Стараюсь жить с пользой для окружающих, не только занята стряпнёй и продолжением заботиться о своём и Зининым <так!> существовании. Не учтёшь ежедневных мелочей моей заботы о людях там, где она действительно сколько-нибудь нужна. Я опять исправила освещение снова было погрузившейся в мрак парадной лестницы, я слежу за экономией электроэнергии на лестнице (без моего участия в этом как-то не обойтись), я многих ободряю из робких и, как умею, приголубливаю. <...> Начала шить рукавицы для нуждающихся в них. Образец — папины чёрные, это, оказывается, покрой японского образца, данный тетушкой. Зина, верно, не успеет уехать до рождения Алёшеньки. Хватит ли у неё силы родить его? Что как нам с тобой это дитя останется? <...> Т. М.

<...> Написала сейчас Гасовским печальную новость: 6-го их «Оленька» (племянница) умерла — попала на улице под снаряд дальнобойного. <...>

24

14/XI 41 г.

Милая моя Мариночка!

<...> Здесь как живём — ты, верно, всё же знаешь через радио и газеты. Немцы, конечно, нами не довольны, рвутся к нам и очень много эти два дня бомбят с воздуха и днём, и ночью. Большое количество тревог — и длительных. Ленинградцы стойко переносят все эти невзгоды и крепко верят в лучшие дни в недалёком будущем. Видела сегодня Васю — мужа Шуры А.<нтоньевой>. Он работает в Токсове, где ещё не было немцев, и этим местом они не интересуются. Чувствует себя в глубоком тылу, и его деловые поездки в Л<енинград> действительно кажутся ему пребыванием на передовых позициях фронта. Правы были люди, говорившие тебе в ответ на твой горячий порыв идти на передовые позиции фронта: «Не спеши, здесь, в Л<енинграде> — ещё “веселее” будет». Да, здесь теперь «весело». Мы с Зиной по-прежнему, как и вся наша квартира, как и семейство Ант<оньевых>, сидим и днём, и ночью, во время даже самых горячих боёв над нами, дома и, если это не ночь (тогда мы в постелях), то каждый занят своим очередным делом. У нас всего 4 этажа — если фугасную бросит немец, она, верно, и убежище пробыёт — не спасёшься. Ты не волнуйся, как и мы здесь. У меня очень спокойно как-то на душе. Уцелею — очень рада буду, а если умру — так, верно, и не замечу, легко и просто.

Крепко целую тебя. Т. М. <...>

25

16/XI 41 г.

Милая, дорогая Мариночка!

Я часто пишу тебе — через день или через два. Положение у нас в Л<енинграде> фронтное — и всё же тебе приятно будет знать, что я ещё день-другой жива и здорова. А мне, в свою очередь, хочется тебе сказать ещё и ещё раз ласковое слово, просто что-то сказать своей родной, самой дорогой на свете. Только радость иметь тебя, видеть, заботиться о тебе была самой яркой, самой цен-

ной в моей довольно serene жизни. Тебя в твоём будущем я хотела бы видеть или знать, что ты будешь такою: хорошо налаженное состояние здоровья — это непременно условие возможности продуктивной работы и охоты жить, что тоже необходимо иметь; второе — если не встретится человек, который стал бы дорогим, близким, — конечно, тогда и детей лучше не заводить, пожалуй, а просто жить, как тётя Клава — много работать и уметь отдыхать, держать себя в надлежащем виде не только в отн<ошении> здоровья, но и внешнего костюмного вида. Никогда не связывай себя никем из чужих детей. У нас и государство прекрасно о них заботится, кустарничать в этом отношении тебе и некогда будет, и радости большой не даёт. Даже котёночка и собачку не заводи. Это готилось для старых дев старого времени. Животные обычно нечистоплотны и воры — ничего интересного в этом нет. Мишка хорош на одно мгновение, а как увидишь его лепёшки, где не надо, да увидишь его тоску вынужденного одиночества, жадность к еде — так всякая радость при виде его исчезает. Нет, Маринка, ты живи с наименьшими уклонениями от прямой твоей работы, не осложняй себе жизни мелочами — их кажущийся «уют» дорого стоит и не окупается. <...> Вот ещё: никогда не слушай, вернее — не обращай внимания на жалкие слова людей: «Ах, зачем ты мать не увезла из Л<енинграда>». Мне здесь лучше, чем вот теперь было бы там около тебя. Я в родном углу, и совесть моя спокойна — я не мешала уезжать тем, кому это было нужно.

<...> Твоя Т. М. <...>

26

18/XI 41 г.

Милая моя Мариночка!

<...> Последние два дня не слышно дальнобойных, тревог меньше, и они короче. Может быть, близко время, когда и вовсе их не будет — и наше окружение мы прорвём, подвезут нам продуктов. Зина всё хандрит, часто слёзы льёт, но не о муже, а о том, что хочет есть. Наши нормы с ней одинаковые и довольно маленькие. Я тоже заметно устала, да и многие как-то потускнели, стали вялые. Липочка не унывает, но всё же беспокоится — надолго ли наш великий пост. Но что такое я, Зина, Липочка и люди нашего сорта? Особой ценности в нас нет. Я-то, конечно, не хандрю и не сочувствую хандрящим. Надо иметь терпение, подождать немного. В Еленовке наше положение было в отн<ошении> еды много хуже. Я если устала, так потому, что вообще слишком много энергии расходовала. Если нам удастся пожить вместе и ты сможешь дать мне отдохнуть и попитаться, я, наверное, с моей прирожденной выносливостью оживу опять.

<...> Т. <М.>

Привет от знакомых, от Зины, Липочки.

27

22/XI 41 г.

Милая, дорогая Мариночка!

Боюсь, что письмо моё вчера было неприятное и спешу написать, что уже наша жизнь с Зиной стала лучше. Вчера с утра, вернувшись от свекрови, она опять плакала и говорила обидные для меня глупости. Я откровенно и сдержанно объяснила Зине всю «ценность» её поведения вообще и в отн<ошении> меня. Она ещё пуще было расплакалась и ушла в оч<ень> плохом состоянии. Но вернулась — как ангел кроткая, даже я её расцеловала за это от души — и ожила. У Зины жизнь теперь должна стать лучше, а вместе с этим, конечно, и у меня. Во-первых, её двоюродная сестра записала Зину на отлёт из города, а сестра — врач того же морск<ого> вед<омства>, где работал муж Зины, и когда делает что, то ей это всегда обычно удаётся. Второе, в этой семье, у сестры, Зина, уже готовая к отлёту, с сегодня будет с вещами жить и питаться у родного дяди и в столовой университета. Я, значит, если Зина почему-нибудь и не улетит, всё же отдохну

от неё хотя некоторое время. Вчера же удалось получить за прошлую декаду чудесное масло постное, сахарн<ый> песок (50 гр.) и вино (нам к праздникам полагалось). Вчера за одни из моих рукавиц мне обещали сегодня рано утром дать капусты кислой. М<ожет> б<ыть>, я ещё что получу — начались выдачи, пока только очереди большие. Да пока и так я проживу с неделку. У меня есть ещё на 10 дн<ей> какие-то лепёшки от малокровия и для укр<епления> нерв<ов>. Я было для Зины купила, а она капризничает — не хочет глотать их, не верит в пользу от них. На рождении Мих<аила> Пет<ровича> меня угощали. Я съела из скромности какую-то жмыховокартофельную небольшую лепёшку, показавшуюся мне особенно вкусною, и два оч<ень> маленьких кусочка сахара. Показалось, что оч<ень> наелась. Я легче других переносю скромность пайка — всегда скромная была. Нам дадут конфект <так!>, плиточку шоколада, мясо я за вторую декаду ещё не брала (не одолела очереди — не стою в них). Обо мне не беспокойся. Продолжаю шить рукавицы. Я это делаю бескорыстно, но вот люди сами если хотят помочь мне и Зине за мои труды, я не могу отказать. <...> Т. М. <...>

28

23/XI 41 г.

Дорогая моя, милая Мариночка!

Лежала я сейчас после завтрака (ела щи из кислой капусты и кофе пила) и думала о тебе и возможности опять зажить вместе. В твоих письмах как будто бы промелькнула где-то нотка благодарности кому-то (кажется, Ант<оньевым> и Липочке) за доброе отношение, участие ко мне. <...> Дело было до настоящей минуты в таком виде. Как только ты выехала из Л<енинграда>, все три фамилии (Ант<оньевы>, Вялых и Липа) стали возмущать<ся> мною — зачем не уехала, одной будет мне тяжело во всех отн<ошениях> — и в смысле еды особенно, а там, около дочки, всё было бы для меня хорошо. Возмутились, что ты меня оставила одну, и каждое семейство, вернее, одно из лиц, о которых речь идёт, пыталось выразить мне первое время своё участие.

Я приняла за это время от Ант<оньевых> два раза по 15 картошек, один раз кости конины не вареные ещё (немного) и два раза кости конины уже варёные, но которые котам ещё жаль было отдавать — было выгоднее проварить их ещё разок-другой, так я и сделала (Велю покормила ещё тогда). За это я в долгу не осталась. Так как милости шли за счёт Васи, то я его два раза угостила водкой, а Нюсе и Тасе отнесла две порции витаминов на сумму около 10 руб. (они не захотели витамины, не верят в их пользу — тётушка взяла их себе), и отнесла им стакан натурального кофе (они не успели себе купить его). Этим наши взаимные любезности продуктового характера кончились. Нюся стала «жадная», по словам тётки (она от них ест отд<ельно>). Всего у молодых хозяек много из продуктов, но им всё чего-то страшно голода, и они заняты теперь только тем, что стряпают и хлопчат <так!> о продуктах. Их поддерживают, плюс к пайкам, Вася и свекровь (у неё огород). Ну и я рада за них.

Теперь Липочка. Она дала мне раз пять по куску сахара (самое большее), когда мы вместе пили мой кофе (угостила вроде) и по паре сухарей, мною же для обеих нас приготовл<енных>, но хранящихся у Липочки как лучше умеющей их использовать (я «раздам» их без толку). Теперь Липа забыла, что сухари «наши», и кушает их одна. Но это пустое. В день 7-го ноября она меня угостила обедом с вином и шоколадом. Я была очень ей благодарна. Но через неск<олько> дней из её слов в оч<ень> неприятном тоне выяснилось, что я не могу рассчитывать на её помощь и должна идти с её запиской устраиваться ночной няней в бомбоубежище на 25 ч<еловек> на одну меня — там меня прокормят. Я и не умею ладить с дошк<ольным> возрастом, и не время ради моей еды рисковать, м<ожет> б<ыть>, жизнью детей. Мало ли что ночью с детьми может случиться, и я не в состоянии была бы им помочь, как сделал бы человек более подходящий. Я отказалась от этого предложения Липочки и вызвала целую бурю негодования. Опять упоминалась возможность с её

стороны меня «поддержать». Но перед этим за месяц был разговор такого порядка: «Мы с тобой поделимся, моя подружка, тем, что у меня есть — вот ты не запасала только ничего, а я-то немного купила крупы, сахарку». Но я и тогда не обрадовалась этому обещанию, надеясь на себя и на наше снабжение в общем масштабе, да и просто ничего я не боюсь для одной-то себя — ни голода, ни стрельбы. Теперь, когда Липочка просит меня (она уже два раза просила, даже три) взять у неё сахарку какой-нибудь кусочек или хочет супу налить — я просто, не сердясь, решительно отказываюсь, говоря: «Кушай сама — не время делиться». Она уходит сконфуженная со словами: «Ты ненормальная, к чему эта горделивость?». Я отвечаю: «Государство заботится обо мне достаточно: я получаю самую большую пенсию и полагающийся мне паёк, а лишнего брать не хочу, не заработав, из милости». И вот я теперь, хорошо потрудившись, заработала капусту кислую. У нас её люди собирали на огородах и квасили, но я стара для этого, так вот мне её за рукавицы дали. Променила папину оправу от пенсне на кофе пачку овсяного. Я хотела подарить оправу, но не захотели даром взять её. <...> Т. М. <...>

29

25/XI 41 г.

Милая, родная моя Мариночка!

Туже затягиваем мы наши пояса. Зина ушла (надолго ли?) к дяде на его питание, но всё заходит и ко мне, забирает свои вещи, объяснив мне с приветливой улыбкой: «Тётка велит вещи мои у неё хранить, а то Вы, верно, умрёте скоро — и всё моё пропасть тогда здесь может». Успевает Зина и у меня подкормиться, пока дела свои здесь делает. Все, верно, беременные такие, как она, в трудные минуты. <...> Мишка наш вдруг исчез. Дня три найти его я не могла. Накануне он был, видимо, здоров — его хозяйка даже манной кашей его накормила. Нашла Мишку приглашенная специально Евд<окия> Осип<овна> в одном из ящиков Э<мелины> Ю. на тряпках — заснул кот мёртвым сном. Видно, смерть была мгновенная и лёгкая — судя по позе и месту, она произошла во время сна. Верно, был порок сердца, что ли. Жалеть не приходится. Кормить Мишу стало невозможно. Он не хотел щи с кислой капустой, какими живу пока я, а хлеба из 125 гр<аммов> много дать я не могла ему. Старалась кормить его его хозяйка, но всё это было не по вкусу по больш<ей> части Мишке — он жаловался и удивлялся.

Меня радует достаточно количество для меня тёплых вещей. В квартире холодно. Я ношу всё на себе самое тёплое и только потому согреваюсь. Ночью и пальто сверх одеяла кладу, и платок твой большой одеваю. Но если врага всё же придётся на некоторое время сюда пустить, тогда к голоду прибавятся все другие невзгоды, и мне, конечно, тогда с тобой не встретиться. Но чем мы лучше уже пострадавших других хороших людей нашей Родины? Продолжай жить и работать тогда и без меня, попусту слёз не лей! Это мой тебе наказ. Не плачь! Не маленькая! Теперь не столько тебе мать нужна была бы, как ты матери. Я всё же, что бы ни случилось со мной, ни одной минуты не жалела и не жалею, что осталась дома. Какая ясность в мыслях, какой покой в душе у меня теперь, какой большой анализ всего пройденного мною жизненного пути я сделала за эти месяцы своего одиночества — и как это всё меня успокоило! Я честно прожила, я много работала, а заслужила всё то, что имею, и могу спокойно ждать смерти, какая бы она ни была и когда бы ни случилась. Без документа ты если останешься, то, я верю, сумеешь достать себе ещё лучший (в этом удов<летворительно> много). Я, ты видела, и без документов была полезная и потому нужная.

Крепко, крепко целую тебя, моя хорошая — и верю в твою ценность в жизни. Твоя мама.

С Липой живём дружно. Я пока голода не ощущаю — очень уж хитрю. Утром сейчас я капусту ела с чудесным соусом к ней с острыми приправами, а закусила зёрнами натураль<ого> жарен<ного> кофе с сахаром. Вышло вкусно, сахар и конфеты я получила 150 гр., да ещё шоколад

50 гр. получу. Трудно достать масло, мясо и крупу. Ем понемногу — это я умела всегда делать. Если враг не придёт — пожалуй, доживу и до тебя, скорее тётка Зины не выдержит — у неё язва желудка была недавно. Ещё раз целую крепко. Т. М. <...>

30

28/XI 41 г.

Милая, родная Мариночка!

<...> С фронта под Л<енинградом> вести хорошие, но устали очень все. <...> А я вчера сдуру не пошла поискать хлебный магазин, где нет никакой очереди, а стала за 15 ч<еловек> всего до продавца — и то дурно сделалось. Устала и я. Задержка на этот раз с выдачей наших пайков, конечно, отразилась на тех, что <так> не смог ещё получить их. Во мне тётушка А<нтоньева> приняла живое участие — дала для заправки щей отрубей стакан, а Орлиха вернула таки остаток «наших» сухарей. Я взяла — они мои по праву. Вот я сегодня и завтра сыта буду на редкость! Вот позавтракаю и пойду искать продукты мои без очереди, м<ожет> б<ыть>, сегодня это и возможно.

<...> Крепко целую тебя, твоя Т. М.

Как можно привыкнуть ко всему, даже к такому положению, как у нас. Валя, и та не только Женю перестала в убежище перестала <так> водить, но перестала она и О. А. говорить о бомбах. Эти дни три раза дом наш готов был рухнуть<ь> — вчера особенно его закачало, затрещал он. После этого я заходила к О. А., так мы даже и не вспомнили об этом моменте. Теперь всех интересует продовольствие, больше обстрелов. Надеюсь, что задержка не будет долгой и как-нибудь всё устроится хорошо и скоро. Радуют, бодрят вести с фронта. Всё ещё положение тревожное, но как заметно всё тяжелее становится фашистам. Что-то очень хочется дожить до лучших дней, до встречи с тобой, Мариночка моя!

<...> Я отдохнула за сегодня. Тревога длится что-то опять очень, хлеб на завтра взят ещё вчера, есть сухарики. Холодно очень у нас теперь. Собираюсь погреться кофе и провести тётушку (если не разбомбят). Очень немец старается эти дни опять, что-то будет в результате. Он-то, паршивый бандит, лопнет от своих же мерзостей — но сколько от него горя кругом... Верю, что скоро-скоро настанут хорошие дни. Скорее бы только этот кошмар войны кончился! <...>

31

30/XI 41 г.

Милая, родная моя девочка!

<...> Слушала я сегодня вечером передачу по радио для молодежи и думала, слушаете ли вы там наши передачи. Сегодняшняя передача особенно пригодилась бы тебе, Мариночка. Она была изумительно яркая, искренняя, содержательная. Было как раз и одно опасение молодого партийца-организатора за успех его работы на заводе среди комсомольцев. Он в заключение пришёл к выводу: как на фронте главная задача комсомола — бить крепче врага и всё делать для того, чтобы это шло успешнее, так и в тылу — работать так много и отлично, как только сил хватит. У тебя такая же задача — помочь дисциплинировать внутренней, сознательной дисциплиной каждого члена комсомола, а вот чтобы это сознание шло за счёт убеждения высокого порядка сути комсомола, а не просто страха ради провиниться — это уж надо тебе так наладить дело, чтобы люди росли духовно, с интересом — и крепко. Какое счастье было бы научиться не только гореть самой, крепить и усиливать свой огонёк, но и зажигать его в других! Какой хорошей, яркой и чистой надо быть самой, чтобы среди лучших вызвать желание быть похожей на тебя. Много поработать надо над выдержкой в отн<ошении> к окружающим, над чутким вниманием, вдумчивым подходом к каждому. Педагогическая работа — большая и ценная работа, работа сложная. Самой надо, передавая знания, не торопиться с передачей большого материала, а взять мало, но так овладеть им,

как лучшие артисты нашей сцены, лучшие лекторы овладевают своим. Надо внешне проследить за собой во время передачи своей аудитории этого материала, чтобы смешным словом, жестом не внести диссонанса, не снизить ценности высказываемого. План курса нужно обдумать как! — Да, Мариночка, я оч<ень> рада за тебя, за то, что тебе поручили такое живое, интересное дело, на котором и ты сама будешь расти. Все трудности преодолевай с упорством и не падай духом перед возможными неудачами. Ты справишься с этой работой, я в это верю! Пусть мало даже кто ярко загорится в твоей группе, но и это малое уже даст плюс.

Вот это я хотела сказать тебе в напутствие. Я счастлива, что ты комсомолка не случайно, а от всей твоей хорошей души. Узенькой, серенькой жить — такое же несчастье, как иметь какой-нибудь физический недостаток. Вспомни мою жизнь. Как скрашивало мою жизнь моё увлечение работой, детишками, с которыми stalkивала меня судьба. Меня это делало крепче и в перенесении бед личного характера. Но вот, Мариночка, думала я (как у меня много теперь времени для дум — я и это делаю с увлечением, не скучая), так вот, интересует меня такая мысль последняя. Начиная знакомить свою аудиторию с сущностью коммунизма, с чего начинает руководитель группы? Когда я в группе учителей такой бывала на лекциях и беседах — нам всё давали подробный более или менее материал истории партии, начиная вести его с близких лет к настоящему моменту, упоминая массу имён и фактов, датируя их — так что до затмения сути дела и ценности общего характера отдельных моментов, казалось, доходила эта детализация. И я, бедная, уставшая на работе уже старушка, робела перед лектором и быстро многое забывала из того, что он говорил. А говорил он за один раз так много, что я и дремала, не будучи в силах воспринять уже ничего при всём желании, самом искреннем.

И вот я думаю. Приходит молодежь на беседу, как вот и я, старая... И её начинают бойко засыпать фактами и лицами, благо накопились они таки у нас. А дома, может быть, отговаривали от комсомольства — и говорили близкие просто, приводя свои основные аргументы: «Там безбожники, а мы ещё люди верующие, пропадешь ты у нас без бога-то, дочка». Дочка слушает беседу, скушает и в душе недовольна собой, что не доросла ещё до интереса к серьёзному материалу, — и думает, что от бога своих стариков она отходит, его она хорошо и не знала, конечно, но всё же что-то там было, к какому-то старому верованию, хотя бы и в корне нелепому, пришло то, что привело её в наст<оящий> момент в группу комсомола. Цели сегодняшнего дня комсомола ей понятны: она должна работать достойно своего билета, а это даст победу над злом, правда восторжествует — будет большая созидательная работа, в которой каждый комсомолец должен стать в авангарде. Это всё понять просто. Я бы хотела всё же, чтобы самая примитивная группа по своему внутреннему содержанию <зачёркнуто: всё же> познакомилась не только с тем, как теперь жить и работать должна она на основе революционных завоеваний своих отцов, а что дало отцам их прошлое. Почему мама и бабушка у некоторых всё ещё упоминают о своём боге? Что это был за бог и какую ценность находили в нём люди? Короткую хотя бы историю религий вообще, и в частности роль христианского бога необходимо знать молодежи — хотя бы как материал для возможности и самим понять своих стариков и указать им ценность и преимущество учения коммунистического над христианским. Пусть успокоились бы старухи, что их воспитанница не останется без тех всё же нравственных устоев, которыми руководствовались они, верующие в своего старого бога. Пусть бы и они поняли, что теперешние комсомольские устои ещё лучше и крепче их старых, понятнее, жизненнее и дают в конечном результате не мифическое счастье где-то в царствии небесном «того» какого-то света, а создадут рай здесь, на обновлённой, бывшей такой грешной земле. Знание истории религий непременно займёт подобающее ему место среди других материалов нашего прошлого. Как можно обходить молчанием или касаться слегка такого яркого двигателя мысли. <...>

Пока всё у нас идёт, как шло вчера — только вот я варенье вместо масла взяла 300 гр. и чувствую, что, обрадовавшись, даже переела его. Сыта зато. Крепко целую. Т. М.

Около 12 дня опять тревога — не выйти из кв<артиры>. Много лежать и думать ночью приходится — всё света не бывает, а свечи тоже как огарочек маленький. Я думаю, как у Чехова — если в меня, а не в военный объект попадут фашисты снарядом или фугаской, то это только лучше было бы — зло много меньше. Словом, надо везде уметь найти себе утешенье. <...>

32

2/XII 41 г.

Милая моя доченька Мариночка!

<...> Напишу тебе просто свои очередные переживания мелкого характера, вроде анекдота из жизни. Захотелось мне, старушке одинокой, никому здесь не нужной, тоже свою стограммную порцию шоколада получить. Срок получения истекал (был вечер 30/XI), а я ещё не встречала своей доли нигде. Услышала я, что довольно просто и оч<ень> хороший шоколад (60 р./кило) можно получить вечером во время тревоги в Росконде. Я так и сделала. Пошла себе потихоньку и стала. Стреляют зенитки, где-то (говорили прохожие) уже публика пострадала недалеко, а нас человек 15 собралось, пожалели нас — пустили и в магазин (около часа не пускали), и я в результате свою долю имела. Публика вся могла, стоявшая со мной, или в милицию попасть под штраф, или получить шоколад. Нам повезло. Милиционера близко не было. Так же я и домой вернулась. Тревога была очень долгая. Публика весело разговаривала в очереди, люди не хотят бояться и прятаться. Замечания слышались: «Эх, долбанёт сейчас немец», — но, кажется, каждому наплевать при этом на этого немца. Дети, женщины, старухи ходят по городу, несмотря на любые условия. Немцу просто это должно стать обидно. С фронта кто приезжает — с уважением на наших граждан смотрят, до чего «обстрелялись», хоть сейчас каждого на передовые позиции возьми — не струсит, не побежит прятаться. Оно-то беречься и надо бы, да уж очень давно, долго тянется такое положение — поднадоело.

<...> Нас по магазинам теперь прикрепили. Удалось мне осилить огромную очередь на прикрепление в угловом магазине на 5 л<инии> — я оч<ень> довольна — далеко не ходить. За прошлое не получила таки мясо и крупу. М<ожет> б<ыть>, ещё дадут. Орлиха меня хочет пристроить с пропуском в одну из столовых здесь на В. О. Сегодня пойду устраюсь — на это я согласна, хотя давать будут только первое. Жульничества с пропуском тоже нет — я имею право его получить как инвалид-педагог. <...> Моё спасенье — тёплые наши вещи. Накрываюсь так, что даже бомба если бы попала — не пробить ночью ей меня. На голову помимо шапки ещё подушку надвигаю, а чуть щёлка — дует, как с улицы. Спасенье — таганок и щепочки, горяченькое попить, похлебать что. Я таки и без круп, без капусты и картошек супы варю: лавровый лист, перец душист<ый>, сухой сельдерей, <нрзб.> и пол<овина> ложечки чайной масла растит<ельного> (кончилось и оно), соль, горчицы немного — с хлебом получается очень вкусно, и согреваешься при этом. Если не смотреть в тарелку, можно думать, что и крупа есть.

Крепко целую. Кирочке привет. Т. М. Привет от Вялых, Антоньевых, Лили и Липочки.

33

3/XII 41 г.

Милая Мариночка!

Вчера мне Свердловское роно дало пропуск в педагогич<ескую> столовую, да ещё пригласили и на след<ующий> месяц — так приветливо приняли. Я опять среди своих старых друзей. В трудную минуту это особенно ценно. Вчера я так пообедала, как уже и не помню — при тебе только так ещё ела. Щи ела, две котлеты с соусом хорошие мясные и кашу овсяную. Сразу помолодела и на обратном пути все свои недополуч<енные> продукты получила — 250 гр. мяса (уже сварила) и 150 гр. карт<офельной> мукой вместо крупы. Сейчас иду обедать опять. Так

много есть каждый день нельзя — вырезать из карточек нечего будет, но всё же щи и котлету я съем.

<...> Твоя Т.

34

5/XII 41 г.

Дорогая, милая Мариночка!

<...> О себе скажу, что я уже всё из пайка проела, кроме 50 гр. масла, конфет <так!> 200 гр. и одной тарелки горячего. Но у меня есть 125 гр. картофельн<ой> муки, полбаночки овсяного кофе, и я собираюсь опять теперь мастерить себе ароматные вкусные супы, даже сдобренные маслом и мукой немного, пить кофе и чай с конфетами, да ещё к этому всё ещё дают нам по 125 гр. хлеба — так и вовсе проживу как-нибудь лучше прошлой декады. Мы продукты берём раз в декаду. Если меня фашист не долбанет всю эту декаду (здорово долбит, мерзавец!), то на след<ующую> декаду я умнее поступлю, зная теперь возможности педагогической столовой. Своё питание урегулирую. Думаю, что всё же жёсткий наш паёк продержится хотя бы в таком виде, как сейчас, пока нас не отбили из кольца. Ну, а совсем плохо станет — жаль молодежь будет, людей, не поживших ещё, а обо мне, которая в жизни весь свой план уже выполнила — жалеть не стоит. <...> Живи теперь ты, Мариночка, лучше ещё, чем я жила. Я хочу, чтобы ты уцелела. Я хочу, конечно, чтобы война как можно скорее кончилась, и чтобы все уцелели, но, к сожалению, на это рассчитывать не приходится. Одно меня как-то успокаивает, когда я думаю о гибели стольких молодых жизней: мне кажется, что тот, кто смело идёт в бой, не думает о смерти, она приходит к нему так неожиданно, что он не успевается <так!> даже испугаться этого момента, он умирает, весь ещё горя энергией — на ходу. Тогда это не так ужасно. Ведь ужасен не так момент перехода в небытие, как ожидание его. Вот думать, ждать смерти, дрожать перед нею — самое жалкое и мучительное. Я рада, что не склонна совершенно к переживанию такого порядка. Если умру без тебя здесь — не думай, Мариночка, что я как-то пострадала. <...> Твоя Т. <...>

35

8/XII 41 г.

Милая, дорогая Мариночка!

<...> Сегодня простилась с Зиной — вечером уехать к родителям она должна бы, но как-то не верится в такое относительное счастье. Прибрала я у себя, на постели спала. Хорошо без чужих людей. Не хочу я никого пускать к себе больше — устала, не под силу. Площади теперь много в городе свободной, а для ухода за кем бы то ни было я не гожусь. Со страхом думаю — вдруг у Зины отъезд расстроится почему-нибудь, и она с ребёнком будет у меня. Конечно, загадывать нечего далеко — ещё и разбомбить меня немец может, но живой о живом думает. <...>

Пока у нас всё идет, как шло. Идёт обстрел города и с аэропланов, и из дальнобойных. Недавно (дня три-четыре тому назад) погибло много студентов и студенток университета. Веля в ужасе. Наш дом трясло и качало, как во время землетрясения. <...> Т. М. <...>

36

10/XII 41 г.

Милая моя, родная Мариночка!

Опять нет писем. А нас вчера и позавчера немец почему-то не бомбил — дал передохнуть. Не за вас ли там он принялся... Когда-то ему конец будет!

Я отдохнула от обедов в столовой, с завтра имею право брать еду на новую декаду. Если в столовой хуже не стало, мечтаю поесть, как прошлый раз 2-го декабря. Сладкого не достала — за ним всё очереди на углу, а я здесь прикрепились, и не хватало здесь конфет всю декаду. В начале следующей

за прошлое дают — м<ожет> б<ыть>, тогда и до меня очередь дойдёт. Семь дней с солью кофе пью и шесть дней только на солёной воде с ароматами лавровых листьев и сельдерея. Последние три дня кладу в эту жидкость по нашей чайной ложечке масла льняного. Кофе есть ещё половина баночки. Это очень подбадривает. И хлеб ем — свои 125 гр. в день. Купила Орлиха 10 пачек горчицы и мне 5 подарила. Горчицу надо 10 дней мочить, сливая воду,— и тогда она мукой становится, годной для еды. Вот к Новому году, если живы останемся, блинчики на соде испеку. У нас давно не горит свет. Ложусь в 6 ч. вечера и всю ночь ворочаюсь — навьючу на себя тёплые вещи и всё мёрзну, или куда-нибудь в шёлку дует. Пока живём, видишь, с какими пустяковыми, в сущности, трудностями. У нас с Эм<елиной> Юл. есть общие дрова — вот она обещала сегодня поделиться со мной, тогда мне пораспилят и поколят — я протапливать иногда буду всё же. Своих сухих поленьев у меня 35 штук, я из них только щепок для приготовления горячей «пищи» берегу. И всё это переношу я без всякой грусти, ожидая лучшего и помня, что это всё ещё очень хорошее положение сравнительно с очень и очень многими другими — хотя бы у тех, кто попал к немцам. Мы от них теперь уже скоро, скоро избавимся, а сколько они ещё, мерзавцы, искалечат людей и утробят.. и попадём ли мы обе с тобой в это число, или кто-нибудь из нас, не угадаешь, и угадывать не хочу. Живой должен о живом и думать. Может быть, нам суждено ещё и встретиться, и пожить вместе. Иду за хлебом и попытаюсь узнать о возможности получить конфеты на меня (сахару не дают, а 250 гр. конф<ет>). Трудно стало двигаться всё натошак, но мне спешить некуда, кое-как ползаю. Крепко, крепко целую тебя и кланяюсь Кирочке. Твоя Т. М.

37

12/XII 41 г.

Милая Мариночка!

Пишу в перчатках. Очень холодно. Ночью научилась закутываться и не мёрзнуть. Вчера пообедала и на заправку своих супов дома принесла пару котлет и макарон. М<ожет> б<ыть>, и сладкое таки за прошл<ую> декаду получу скоро. Как-нибудь хочу не умереть от истощения — надо уметь пользоваться разумно имеющимся в распоряжении. <...> Немец что-то затих, и аэропланов его над городом и <так!> эти два дня я не слышала, а из орудий кто-то вчера стрелял — не разбираю я, мы или в нас. Потихе как будто стало. Но как длинны ночи! Нет света — ни лампы (керосина нет), нет свечи — есть немного спичек, кот<орые>, как и всё, нужно тратить как можно бережнее. Мы разделили дрова с Э<мелиной> Ю. Попало по 17 тонких поленьев и по 7 толстых, довольно длинных — по метру. Хочу тонкие, пока не растащили, в не рубл<еном> виде в окно перетащить, а толстые пока пусть расколят и распилят. Ведь это на весь год, если уцелею. <...> Твоя Т.

38

25/XII 41 г.

Милая Мариночка!

Я давно уже без писем от тебя. Сама тоже стала редко писать. Очень ослабела — много времени трачу на заботу о себе (питание, утепление и проч.). Сегодня хлеба прибавили. Теперь, думаю, не будет столько беды от истощения. Всё же на 75 гр. в день нам, ижд<евенцам>, больше.

Поздравляю с наступающим Новым годом. <...> Крепко целую. Твоя Т. М.

39

28/XII 1941 г.

Дорогая Мариночка!

<...> Я здорова. Прибавка хлеба понемногу меня укрепляет. За меня не бойся. Я очень стараюсь дожидаться тебя, и главной моей заботой стала забота о себе. В этом позорного ничего не вижу. Мы

все здесь, кто пока выжил, нуждаемся в заботе о нас. Я одна — сама о себе думать должна. Люди в последние дни поправились и стали думать, как живут другие. <...> Твоя Т.

40

1/1 42 г.

Дорогая, милая Мариночка.

Ещё раз поздравляю тебя, Кирочку и всех, кто с тобой, с Новым годом и шлю самые лучшие пожелания. <...> Я пока, а также и Веля, будем писать реже и короче: замерзаем, коченеют руки. Кроме того, у меня день расположен так: от 7 до 8 за хлебом иду (ползу), от 9 до 10 слегка ем, прибираю и собираюсь к 11-ти часам выйти из дома, чтобы к 12-ти дойти до столовой на обед. Там часа два провожу, почти <здесь и ниже до конца письма нижний край листа оборван> дома, уже стемнело, света <...> до 5 колю щепки, а в 6 уже <...> слуша<ю> радио, согр<ваюсь?> <...> тебя. Целую крепко. Твоя Т.

Я так обдумываю каждый свой шаг, чтобы не умереть от истощения. Очень многие пухнут и умирают. Я не вспухла и чувствую себя лучше последнее время после прибавки хлеба. Считаю себя на положении больной и строго слежу за режимом, который себе придумала. Не беспокойся обо мне.

<У Зины ро>дилась дочка. Живет она у свекрови. <...>

41

4/1 42 г.

Милая Мариночка!

<...> Руки мои отогрелись. Сама я ещё наполовину замёрзшая после утреннего стояния на улице за хлебом. У нас пока всё ещё плохо с выдачей нормы — за прошлый месяц многие не получили. Хлеб задерживает выпечка, и создаются огромные очереди последние дни. Но это, я думаю, скоро наладится. <...> С едой у меня немного лучше. Я получила 125 гр. оч<ень> жирной свинины, сделала суп и натопила ложку столовую жира для заправки супов. Хлеб сегодня дали круглый, довоенного качества по составу и выпечке. Я получила его 400 гр. — на два дня — и сегодня сыта. Вообще, я последнее время, вот уже 4 дня, острых приступов желания есть не испытываю: есть чем удовлетворить это желание. А вот перед Новым годом, если бы не добрые люди (Серафимочка, Елиз<авета> Алекс., тётушка Ант<оньева>, Липочка) — мне пришлось бы плохо. Ароматические супы что-то теперь не устраивают — в них нет жиров. В комнате у меня очень холодно. Дров мало — и они мокрые, только тлеют. Выручает буржуйка Липы: на ней она зовёт меня греть и варить, около неё греться. <...> Ночью я не мёрзну. Очень тепло укрываюсь в постели. <...> Трудности наших дней все мы переносим как должное и несравненно меньшее зло, чем терпят люди другие — у немцев, в окопах. Это всё наше трудное — перенесём как-нибудь. <Замазано штемпельной краской военной цензурой>. <...> Крепко целую тебя — твоя Т. <...>

42

15/1 42 г.

Милая Мариночка!

<...> Прости, что долго не писала — очень уж плохо живём, не хочется и расписывать.

Заходила к Кириной бабушке, там всё по-прежнему, здоровы все. Липочка из всех моих друзей обо мне так заботится, как я и не ждала от неё. Если переживу эти исключительно тяжкие дни — Липочке обязана буду.

<...> Твоя Т. М. <...> Липочка тебя целует, Михайловы кланяются. <...> Пока буду писать редко, устала, и холодно, трудно.

Милая моя Мариночка!

Вчера я получила от тебя письмо и посылочку. Как я благодарна тебе и Н. В. за это! Если бы знали, как это подняло моё настроение и какая это серьёзная поддержка в отн<ошении> питания! Как раз я получила то, что особенно нужно было: хлеба мне всё ещё на весь день не хватает, масло вырезают, но мало дают в столовой, а сладкое тоже как-то получаем и очень мало, и очень редко. Я все продукты бережно разложила по соответствующим посудинам и рассчитываю, что их мне даже относительно надолго хватит — я не переадаю обычно, не люблю чувство пресыщения, а есть мы привыкли такими игрушечными порциями, что и малое теперь большим кажется. Угостила, конечно, своих друзей соседей довольно щедро, кроме масла (все они получили его, кроме меня) — и вот ост<альное> смело ем сама.

В прошлом письме я тебе писала, Мариночка, об отъезде из Л<енинграда> Вели с мамой и Женей, о желании моём и даже крайней необходимости остаться жить в их квартире — иначе я свалюсь и подняться едва ли смогу. Переехать теперь в более спокойное место я не в силах. Лестницы для меня трудны, да и дороги не по силам. Буду ждать тебя здесь. Здоровье моё при нормальном питании и обстановке, верно, будет много лучше, если уже не восстановится: у меня прекрасный желудок, и когда я бываю сыта, то и двигаюсь увереннее. Весь организм сильно ослаблен, истощение было такой степени, за которым уже идёт смерть, но момент мною был своевременно подмечен, я ничего не пожалела для обменов и благодарностей — и выплыла опять на жизненный простор, как, помнишь, лягушка сбила масло и выскочила из посуды.

Крепко, крепко целую тебя и ещё раз благодарю тебя и Н. В. Привет ей от меня. А письмо твоё какое чудное! Я его всегда носить с собой буду. Твоя Т.

ИМЯ НА ТАБЛИЧКЕ — НИТЬ В ЛАБИРИНТАХ ИСТОРИИ

Одна из особенностей топонимии как составной части культурного ландшафта — это исключительная наглядность топонимических единиц, которая часто казалась и до сих пор кажется чрезвычайно заманчивой и соблазнительной для целей пропаганды, агитации и увековечения. Действительно, назвав чьим-либо именем улицу или площадь, можно быть уверенным, что оно постоянно будет на языке хотя бы у местных жителей, а в случае доминантного объекта — даже у всех горожан. Эта практика имеет и обратную сторону: от частого употребления любые имена имеют свойство «стираться», зачастую утрачивая свое мемориальное назначение. Но если личность, «давшая» свое имя улице, хорошо связана с окружающей местностью, у людей, неравнодушных к истории своего места обитания, все равно будет возможность потянуть за ниточку названия, чтобы попытаться размотать сложный клубок исторических событий, легенд, фактов и ассоциаций.

Я попробую продемонстрировать это на примере названия улицы Лобачика, появившейся в поселке Белоостров 14 апреля 1975 г. в результате переименования Хвойной улицы. Название, данное в честь героя Великой Отечественной войны Ивана Петровича Лобачика, погибшего буквально в нескольких сотнях метров от этой улицы, в 2010 г. было самым беспардонным образом искажено на единственном дорожном указателе и превратилось в «улицу Лобачека». Три года объединенных усилий местных жителей и Топонимической комиссии понадобилось для того, чтобы исправить эту досадную ошибку! К сожалению, простой довод о том, что подобная «описка» есть прямое неуважение к памяти героя, никак не находил пути к сердцу местной муниципальной администрации (в пригородах Санкт-Петербурга за установку и содержание дорожных указателей с названиями улиц отвечают муниципалы). Последней каплей стал очередной ответ из поселкового совета, гласящий, что правильная табличка уже изготовлена, но возможности для замены пока нет, потому что у поселка «нет средств на оплату автовышки!» Тогда самоотверженный энтузиаст Михаил Логунов при помощи обыкновенной строительной лестницы дотянулся до злосчастного указателя и маркером исправил «е» на «и». Удивительно, но после этого табличка была почти сразу заменена...

У меня как у человека, принимавшего активное участие в переписке с администрацией поселка, такой результат вместе с чувством глубокого удовлетворения оставил и ощущение досады. Ведь такое могло произойти только в одном случае — когда имя героя на табличке для местных властей, прямо скажем, пустой звук! А из этого уже родилось желание узнать о судьбе и подвиге И. П. Лобачика как можно больше, ведь общераспространенные сведения были достаточно скудными: «московский ополченец, комиссар ударного батальона, замучен врагами в сентябре 1941 г.».

Основные события довоенной жизни Лобачика известны благодаря его потомкам, которые до сих пор проживают в Москве. Иван Петрович родился в 1909 г. в Семипалатинске, куда его родители переехали из Белоруссии. В молодости работал на строительстве Турксиба бригадиром кессонщиков, затем прорабом, служил действительную на погранзаставе в Средней Азии. В конце 1920-х на южных границах СССР было неспокойно, и свой первый боевой опыт Иван Лобачик получил ещё в схватках с басмачами. Домой он вернулся политруком запаса. Уехал по комсомольской путевке на учебу в Москву, где успел поработать на строительстве первой очереди метрополитена. Учебу и работу Иван Петрович успешно сочетал с комсомольской, а затем и партийной карьерой, работал в Железнодорожном райкоме партии, а 1941 год встретил на ответственной должности в одном из управлений Комитета по делам кинематографии СССР.

С началом Великой Отечественной Лобачик отсиживаться в тылу не стал и уже в начале июля 1941 года записался добровольцем в формирующуюся 291-ю стрелковую дивизию, оставив дома

жену с двумя детьми, беременную третьим ребенком. Кстати, имя Лобачика с 1963 года носит и бывшая Проезжая улица в столице, неподалеку от Краснопрудной улицы, где он проживал с семьей. Дивизия формировалась в Рыбинске с 18 июля по 15 августа, а 18 августа заняла оборону под Ленинградом на линии Новая Пудость — Верхнее Койрово — Ново-Паново. В те дни на этом рубеже активные боевые действия ещё не велись, зато из состава дивизии был выделен 3-й батальон 1029-го стрелкового полка и направлен в распоряжение 168-й стрелковой дивизии, на юго-восточные подступы к Ленинграду. Командовал батальоном капитан Лузин, а военным комиссаром был назначен политрук Лобачик. Поначалу он занимал в дивизии относительно спокойную должность инструктора политотдела, но и тут неумная натура Ивана Петровича взяла своё.

Вообще институт военных комиссаров в Красной Армии имеет непростую историю. Впервые он был введен ещё во время Гражданской войны для обеспечения партийного контроля над ненадежными военспецами. Когда уже в мирное время армия сильно сократилась, а многие командиры частей стали коммунистами, комиссары в таких подразделениях превратились в помполитов. Но там, где командиры были беспартийными, двуначалие, вообще-то нехарактерное для четкой армейской структуры, сохранялось. При очередном изменении системы воинских званий для поллитостава были введены звания младшего политрука, политрука и старшего политрука, соответствовавшие воинским званиям лейтенанта, старшего лейтенанта и капитана. Звание батальонного комиссара соответствовало общевойсковому званию майора, полкового комиссара — званию полковника. Ситуация изменилась в 1937 г., когда в страшный период армейских чисток все военные комиссары опять обрели равные права управления с командирами своих частей, что должно было, согласно новой редакции армейского Устава внутренней службы, препятствовать «проникновению в подразделение шпионов, диверсантов и вредителей».

Очередной виток в судьбе военкомов был связан с осмыслением итогов финской войны 1939–1940 гг. С. К. Тимошенко, назначенный наркомом обороны вместо К. Е. Ворошилова, справедливо заметил, что двуначалие приводит к размыванию ответственности за исполнение боевой задачи, а спрашивать в ходе Зимней войны, надо признать, было за что. Но и тогда, в августе 1940 г., единоначалие вернулось в Красную Армию не совсем. В тяжелейшие первые дни Великой Отечественной войны Ставка Верховного командования сочла необходимым опять сделать комиссаров начальниками, равными командирам частей и подразделений, и только к концу 1942 г. институт военкомов был отменен окончательно. Вот так и получилось, что Иван Лобачик в звании политрука занимал должность военного комиссара, командуя батальоном наряду с капитаном Лузиным. Но это был не тот «ударный батальон», в составе которого Лобачик погиб под Белоостровом...

168-я стрелковая дивизия, которой был придан батальон Лобачика, была переброшена под Ленинград из Карелии. Наступающие финские войска прижали её к Ладого, но, в отличие от некоторых других советских частей на перешейке, дивизия не утратила боеспособности, смогла эвакуироваться в порядке и сохранить боевую технику. С 28 августа дивизия вела бои в районе Слущка (так с 1918 по 1944 г. назывался Павловск), Пушкина, Колпина, затем начала бои в районе Тосно, а с 29 августа по 7 сентября 1941 г., как раз в период действий батальона Лобачика, — в районах Новолисина, Красного Бора, Ям-Ижоры, Фёдоровского. Дивизия успешно контратаковала, выбила немецкие войска из Поги, Поповки и Куньеголово, стала развивать наступление в направлении Ульяновки, освободила Красный Бор и вела бои за Новолисино. Не все эти территории впоследствии удалось удержать, но если посмотреть на линию фронта, установившуюся к концу 1941 г., то заметен выступ южнее Колпина, оставшийся за нашими войсками. В журнале боевых действий 291-й дивизии за 12 сентября 1941 г. содержится следующая запись:

«возвратился 3/1029 сп... Потери 3/1029, который находился в расположении 168 сд, с 27.08 по 06.09 составляют убитых и раненых около 330 человек».

Такие потери говорят сами за себя... Несколько раз действия батальона Лузина и Лобачика на юго-восточном рубеже Ленинграда упоминаются в газете «На страже Родины», которая сначала из-

давалась как орган Ленинградского военного округа, а потом стала газетой Ленинградского фронта. Самая последняя заметка об этом батальоне, так и озаглавленная: «Политрук Иван Лобачик», вышла в номере от 6 октября, когда Лобачика уже не было в живых...

Но 3-й батальон возвратился в родную дивизию не там, где оставил её. 1 сентября, так и не вступив в серьезный бой на юго-западном рубеже Ленинграда, 291-я дивизия была срочно переброшена под Белоостров, где на тот момент вражеские войска подошли ближе всего к Ленинграду (до города оставалось 32 километра). Существует расхожее мнение, порожденное позиционным характером боевых действий на северном участке Ленинградского фронта с конца 1941 г., что финны, дескать, «наступали только до старой границы». Но если внимательно сравнить устоявшуюся к концу 1941 г. линию фронта на Карельском перешейке с границей 1939 г., различия будут разительными. Наступление финнов остановила не воображаемая линия предыдущей границы, а спешно перевооруженные к концу августа 1941 г. оборонительные сооружения Карельского укрепрайона (КаУР). На иллюстрации номерами показаны батальонные районы обороны (БРО) КаУРа. Они строились в 1930-х гг. и представляли собой сложные комбинации дотов и других оборонительных сооружений, причем все промежутки между ними и между самими БРО простреливались пулеметно-артиллерийским огнем. Именно на этой линии и было в итоге остановлено продвижение врага на перешейке, но произошло это не сразу. И когда 1 сентября 1941 г. финны вплотную подошли к Белоострову, на этот участок фронта и была переброшена 291-я стрелковая дивизия. Однако 4 сентября противнику удалось прорезать реку Сестру и закрепиться на её восточном берегу, заняв станцию и поселок Белоостров. Станция была отбита на следующий день, но северная часть поселка осталась за финнами. Именно в ней, почти на берегу Серебряного ручья, находился тот самый дот, у которого впоследствии погиб Иван Лобачик. В отличие от основного рубежа КаУРа, он был построен в 1938 г., представлял собой мощнейшее двухэтажное сооружение и был известен среди военных инженеров как «миллионер» — во время постройки кто-то пошутил, что на такую махину ушел как минимум миллион рублей. Прозвище прижилось, но вооружить построенный «миллионер» так и не успели, ведь в результате Зимней войны граница отодвинулась весьма далеко.

Поскольку сектор обстрела этого дота (или, говоря специальным языком, артиллерийского полукапонира) был направлен в сторону старой границы, финны использовали его только как штаб и убежище, окружив траншеями и прикрывая дополнительными огневыми точками. А 11 сентября и оставшаяся часть Белоострова была вновь занята финнами. Вот в такой ситуации батальон Лузина и Лобачика вернулся в расположение 291-й дивизии. Его возвращение совпало с выходом директивы Ставки ВГК № 001919 «О создании заградительных отрядов в стрелковых дивизиях», которую я приведу полностью.

«Командующим войсками фронтов, армиями, командирам дивизий, главнокомандующему войсками Юго-Западного направления о создании заградительных отрядов в стрелковых дивизиях.

12 сентября 1941 года.

Опыт борьбы с немецким фашизмом показал, что в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме со стороны противника бросают оружие, начинают кричать: «Нас окружили!» и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть и потом одиночками начинает выходить из леса. Подобные явления имеют место на всех фронтах. Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникёрские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии. Но беда в том, что твёрдых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много.

В целях предупреждения указанных выше нежелательных явлений на фронте Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. В каждой стрелковой дивизии иметь заградительный отряд из надёжных бойцов численностью не более батальона (в расчёте по 1 роте на стрелковый полк), подчинённый командиру дивизии и имеющий в своём распоряжении, кроме обычного вооружения, средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин.

2. Задачами заградительного отряда считать прямую помощь комсоставу в поддержании и установлении твёрдой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники и бегства, поддержку честных и боевых элементов дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общими бегством.

3. Обязать работников особых отделов и политсостав дивизий оказывать всяческую помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины дивизии.

4. Создание заградительных отрядов закончить в пятидневный срок со дня получения настоящего приказа.

5. О получении и исполнении командующим войсками фронтов и армий донести.

*Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин
Б. Шапошников»*

Такой батальон надлежало создать и в 291-й стрелковой дивизии, хотя её положение на фронте уже не предвещало тех нежелательных явлений, которые описывались в директиве. Однако директива была одна на всех, и в установленный срок командование дивизией доложило о создании собственного заградбата. А самые надёжные и обстрелянные бойцы как раз и вернулись в дивизию вместе с батальоном Лобачика. Поэтому нет ничего ни удивительного, ни зорного в том, что политрук Лобачик стал комиссаром этого заградительного батальона, командиром же был назначен старший лейтенант Александров. Также неудивительно, что во всех открытых источниках, повествующих о судьбе Лобачика, батальон этот называли «ударным». С одной стороны, в советское время не принято было распространяться о существовании заградительных подразделений, а с другой стороны, роль этого батальона в бою 20–22 сентября, оказавшемся для Лобачика последним, вполне подходит под определение «ударной».

Предпринятая 14 сентября попытка очередного освобождения Белоострова силами одного лишь батальона морской пехоты не удалась, но мириться с таким положением дел наше командование не собиралось, и на 20 сентября был назначен новый штурм Белоострова, к которому были привлечены даже танки и авиация. В первой половине дня 20 сентября наступление в поселке развивалось успешно, далее процитирую журнал боевых действий 291-й дивизии:

«По выходе /в 14.00/ левого фланга 181 сп на р. Сестра из Центральной части Белоостров противник перешел в контратаку; части, наступавшие в этом районе, дрогнули и начали от-

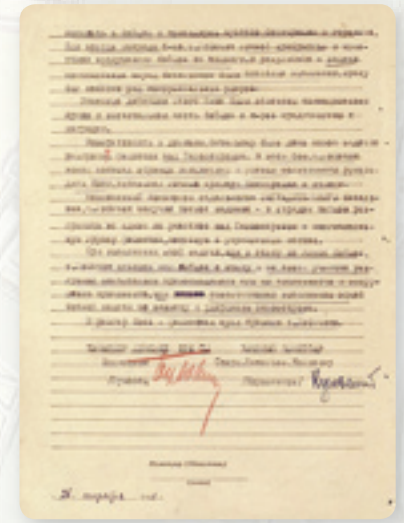
ход, но введением в бой заград-батальона дивизии части начали вновь теснить противника к р. Сестра».

Бой за Белоостров был закончен к вечеру 20 сентября, поселок и станция снова были в наших руках, но дот «миллионер» и примыкающий к нему участок в районе впадения Серебряного ручья в Сестру так и не удалось отбить у финнов, хотя попытки продолжались ещё в течение 2–3 дней, возобновлялись и позднее. И в этих последующих попытках также участвовал «заградительно-ударный» батальон. Но в какой день и как погиб Иван Лобачик? В этом доступные документы по боевым действиям расходятся с воспоминаниями однополчан Лобачика. Впрочем, и в документах имеются некоторые нестыковки. Так, журнал боевых действий прямо упоминает гибель Лобачика в записи от 20 сентября, то есть уже в первый день боя. А в наградном листе на посмертное награждение Ивана Лобачика орденом Красного Знамени (в итоге награду «срезали» до ордена Красной Звезды), заполнявшемся 26 сентября, датой гибели стоит 22 сентября. Обстоятельства указаны весьма скупо:

«...идя в атаку во главе бойцов, на своем участке разгромил значительно превосходящего его по численности и вооружению противника, чем способствовал выполнению общей боевой задачи по захвату и удержанию Белоострова. В разгар боев фашистская пуля сразила т. Лобачика».

В довершение путаницы в донесении о безвозвратных потерях 291-й дивизии, составленном 11 октября 1941 г., дата гибели Лобачика обозначена уже как 21 сентября. А в графе о месте захоронения значится: *«труп остался на территории, занятой противником».* Откуда же тогда сведения о том, что Иван Лобачик попал в плен и был замучен врагами?

Такие сведения содержатся в воспоминаниях однополчан Лобачика, которые рассказывали об обстоятельствах штурма дота «миллионера». При этом они утверждают, что Лобачик был тяжело ранен при штурме дота не 20 сентября, а в ночь между вторым и третьим днями боя в Белоострове. Командир взвода «ударно-заградительного» батальона Л. Гольман, чей рассказ «Ополченец Иван Лобачик» содержится в книге «От Москвы до Берлина», пишет, что Лобачика считали погибшим, потому что видели, как он упал почти у самого дота, сраженный пулей, но через несколько дней наши разведчики принесли из очередной вылазки тело комиссара со следами пыток и вырезанной на спине пятиконечной звездой. Однако сам Гольман был тяжело ранен в этом бою ещё раньше, и обо всем, что связано непосредственно с гибелью Лобачика,

Улицы в Ленинграде, переименованные в военные годы, носили названия героев войны. Это и сейчас не так редкость. Многие улицы имеют названия героев войны. В Ленинграде их было много. Вспомним хотя бы улицу имени героя войны — улицы имени героя войны — улицы имени героя войны.

Первый вариант названия улицы — улицы имени героя войны — улицы имени героя войны. Второй вариант — улицы имени героя войны — улицы имени героя войны. Третий вариант — улицы имени героя войны — улицы имени героя войны.

Кто же это? Иван Лобачик. Он был ранен в бою, попал в плен. Враги добились раненого политрука на поле боя — подобные случаи были зафиксированы документально. Несомненно одно: тело Лобачика действительно было возвращено в наше расположение, он покоем в братской могиле на Песочинском кладбище вместе с другими бойцами 291-й дивизии, погибшими под Белоостровом. Но если это было уже через несколько дней после боя, как объяснить октябрьскую запись в донесении о безвозвратных потерях, где его тело числится оставшимся на вражеской территории? Эти вопросы пока остаются без ответа... А надо ли доискиваться до истины? Белоостровские энтузиасты уверены, что это необходимо, потому что они хотят знать об истории своего поселка буквально всё. Их начинания можно только приветствовать, и теперь мы можем быть уверены, что отныне фамилию героя никто не сможет исказить.

Дот, за который сражался Иван Лобачик, был взят нашими войсками уже летом 1944 г., причем ни гаубицы, бившие по нему в том числе прямой наводкой с расстояния около километра, ни «дополнительный» взрыв изнутри, вызванный детонацией оставшихся финских боеприпасов, не смогли сровнять его с землей. Вот как качественно работали его предвоенные строители! Благодаря стараниям энтузиастов забытые были огневые точки КаУРа сейчас обретают статус региональных памятников. Такой статус ныне имеют и остатки того самого дота, где в сентябре 1941 г. погиб Иван Лобачик.

Автор выражает глубочайшую признательность Михаилу Логунову и Виктору Отраднову, при деятельной помощи которых был создан этот материал.

УЛИЦА ИМЕНИ ГЕРОЯ

рассказывал с чужих слов. Воспоминания комсорта батальона А. Большакова, помещённые в газете «Ленинградская здравница» от 13 мая 1980 года, схожи с рассказом Л. Гольмана. Он вспоминает, как Лобачик вел бойцов в атаку и его сочли погибшим, говорит и о возвращенном разведчиками теле комиссара со следами истязаний, но вырезанную звезду он не упоминает. Возможно, плена и не было, и враги добились раненого политрука на поле боя — подобные случаи были зафиксированы документально. Несомненно одно: тело Лобачика действительно было возвращено в наше расположение, он покоем в братской могиле на Песочинском кладбище вместе с другими бойцами 291-й дивизии, погибшими под Белоостровом. Но если это было уже через несколько дней после боя, как объяснить октябрьскую запись в донесении о безвозвратных потерях, где его тело числится оставшимся на вражеской территории? Эти вопросы пока остаются без ответа... А надо ли доискиваться до истины? Белоостровские энтузиасты уверены, что это необходимо, потому что они хотят знать об истории своего поселка буквально всё. Их начинания можно только приветствовать, и теперь мы можем быть уверены, что отныне фамилию героя никто не сможет исказить.

Дот, за который сражался Иван Лобачик, был взят нашими войсками уже летом 1944 г., причем ни гаубицы, бившие по нему в том числе прямой наводкой с расстояния около километра, ни «дополнительный» взрыв изнутри, вызванный детонацией оставшихся финских боеприпасов, не смогли сровнять его с землей. Вот как качественно работали его предвоенные строители! Благодаря стараниям энтузиастов забытые были огневые точки КаУРа сейчас обретают статус региональных памятников. Такой статус ныне имеют и остатки того самого дота, где в сентябре 1941 г. погиб Иван Лобачик.

Автор выражает глубочайшую признательность Михаилу Логунову и Виктору Отраднову, при деятельной помощи которых был создан этот материал.

А. Ю. Алесеев

НАИМЕНОВАНИЕ «ВОЕННЫХ» УЛИЦ В ДАЧНОМ В 1964 г.: ДЕТАЛИ ПРЕДЫСТОРИИ

16 января 1964 г. решением Ленгорисполкома сотни улиц Ленинграда были наименованы или переименованы (или вовсе упразднены)¹. Это коснулось и застраивавшегося в тот момент Дачного², где в числе прочих возникли четыре наименования, связанные с Великой Отечественной войной: *проспект Ветеранов*, *улица Лёни Голикова*, *проспект Народного Ополчения* и *улица Подводника Кузьмина*. О том, как готовилось появление именно этих названий, и пойдёт речь далее.

Это решение Ленгорисполкома продолжило послевоенную топонимическую традицию Кировского района, в котором «военные» названия стали возникать ещё в конце 1940-х — начале 1950-х гг.³ В самом Дачном они тоже впервые появились в 1950 г., когда два свежепроложенных проезда стали *Оборонной улицей* (по первоначальному проекту *1-я Шеферская*) и *улицей Победы* (соответственно *2-я Шеферская*)⁴. Вскоре после этого посёлок Дачное, как и весь Лиговский рабочий посёлок, в составе которого он оказался, перешёл в административное подчинение Кировского района Ленинграда, где в это же время *Поварухина улица* была также переименована в *Оборонную*⁵. Впоследствии это стало поводом для смены названия Оборонной улицы в Дачном, хотя, как будет сказано ниже, это произошло не сразу.

На рубеже 1950-х — 1960-х гг. началась застройка территории к югу от речки Красенькой. На месте посёлка Княжево, земель совхоза «Предпортовый», а затем и большей части посёлка Дачное стали возникать ряды многоэтажек — пресловутых «хрущёвок». Стали прокладываться новые улицы, и, соответственно, встал вопрос об их наименованиях. И 17 ноября 1962 г. по решению Ленгорисполкома свои названия получили *улица Зины Портновой* и *проспект Героев* (последний ныне — часть *Ленинского проспекта*)⁶ — опять-таки в связи с «военной тематикой». Но застройка местности продолжалась, и необходимо было назвать ещё целый ряд проездов.

Точкой отсчёта в этом процессе можно считать решение от 17 ноября 1962 г. Дело в том, что в Приложении № 27 к нему предусматривалось переименование в дальнейшем одноимённых улиц, и исполкомы районных Советов в трехнедельный срок должны были представить городской комиссии по наименованию и переименованию проездов соответствующие предложения⁸.

Видимо, срок в три недели выдержан не был (впрочем, этот вопрос нужно уточнять). Однако вопрос о наименовании новых улиц в Кировском районе (включавшем тогда и часть современного Красносельского района к северу от Волхонского шоссе) действительно был рассмотрен местным исполкомом уже в 1963 г. Была создана специальная комиссия Кировского райсовета по наименованию и переименованию улиц, которая и предложила свои варианты.

¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 363. Л.170-258.
² В данном случае под Дачным понимается современный исторический район Дачное в пределах, обозначенных Реестром названий объектов городской среды: «*между пр. Стачек, р. Красенькой, линией Балтийской ж. д., ул. Лёни Голикова, пр. Ветеранов и парком Александрово*» (см.: www.spbculture.ru/ru/Placen.html).
³ Первое «военное» наименование — улица Зайцева — появилось в Кировском районе 27 января 1949 г.
⁴ ЦГА СПб. Ф. Р-9628. Оп.1. Д. 57 Л. 31. О «шеферском топонимическом кусте» и его переименовании см.: *Алесеев А. Ю.* Три Шеферские улицы в послевоенном Дачном // *Новый топонимический журнал.* 2013. № 1. С. 44–50.
⁵ Эти события произошли 12 июня и 10 июля 1950 г. соответственно.
⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 41. Д. 334. Л. 120.
⁷ Там же. Л. 128–135.
⁸ Там же. Л. 113.

В черновом варианте⁹ было восемь новых названий и одно переименование, правда, среди новых имён на самом деле тоже было несколько переименований. Позже к ним было приписано предложение переименовать *Припарковую улицу* (ныне *улица Танкиста Хрустицкого*) в *улицу Кировцев*. И в этом черновом списке по интересующим нас проездам даны следующие рекомендации:

- магистраль, имевшую проектное название *Срединная улица* (будущий проспект Ветеранов), предлагалось просто присоединить к улице Зины Портновой;
- на будущую улицу Лёни Голикова предлагалось перенести название Припарковой улицы;
- проезд вдоль Балтийской железнодорожной линии предлагалось назвать *улицей Ополченцев* — пока что просто улицей и просто Ополченцев (в границах от Трамвайного проспекта до Таллинского — тогда ещё Красносельского — шоссе).

Отдельный же пункт — о переименовании — касался двух Оборонных улиц. После произошедшего в январе 1963 г. включения территории Лиговского рабочего посёлка непосредственно в городскую черту это дублирование необходимо было убрать. При этом переименовать предлагалось Оборонную улицу не в Дачном, а в основной части района — в улицу Примакова.

Финальный же вариант, который предложила районная комиссия, несколько отличался от черногового¹⁰. В нём для будущей улицы Лёни Голикова (в описании — «Новый проезд, проектируемая улица») был предложен вариант *Коллективная улица* с обоснованием (сохранением стиль и орфографию оригинала): «*Улица проектируется через коллективные сады ветеранов Кировского завода, подлежащие застройки <sic!> в будущем. Сохранить память и <sic!> коллективном садоводстве*»¹¹. До этого так хотели именовать будущую *улицу Солдата Корзуна*, и теперь уже на неё было предложено перенести название «Припарковая». В словосочетание «улица Ополченцев» было вписано «Народных». А вот Срединная улица, как и в черновом варианте, присоединялась к улице Зины Портновой, и по-прежнему Оборонная у Нарвских ворот — но не в Дачном — должна была сменить своё название.

Этот список был утверждён исполкомом Кировского райсовета 27 июня 1963 г., причём с отсылкой к решению Ленгорисполкома от 17 ноября 1962 г.¹² Затем потенциальные названия улиц Кировского района (как и других) были рассмотрены уже в городской Комиссии по наименованию и переименованию улиц, в документах которой и отложились различные варианты. Известно три списка, из которых видно, как менялись предложения по ходу обсуждения. Рассмотрим эти списки в отношении трёх проездов из четырёх; об Оборонной улице в Дачном будет сказано особо.

Первый список¹³

Из Кировского района в него вошло 27 наименований. По сравнению с предложениями районной комиссии в него уже были внесены изменения, в их числе и те, которые вошли в окончательное решение Ленгорисполкома. Коснулось это и рассматриваемых проездов.

⁹ ЦГА СПб. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 817. Л. 50, 52.

¹⁰ Там же. Л. 54–57. В материалах городской комиссии: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 189. Л. 9–12.

¹¹ Там же. Л. 10. вполне возможно, что «Новый проезд» в данном случае — это именно топоним. Известно, что такой проезд действительно отходил от проспекта Стачек на юг; и его трасса шла очень близко к нынешней трассе улицы Лёни Голикова. Он есть на топографических съёмках треста ГРИИ (см. архив КГА) послевоенных лет. Стоит отметить, что Парковый проезд, существовавший в те же послевоенные годы, название которого обычно считается проектным для улицы Лёни Голикова (см. например: Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга: 15000 городских имён / Под общ. ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 239), в этих документах не упоминается.

¹² ЦГА СПб. Ф. Р-100. Оп. 6. Д. 817. Л. 54; Там же. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 189. Л. 9.

¹³ Там же. Л. 14–31 (по Кировскому району — Л. 18–24).

Так, под номером 2 идёт Срединная улица, которую решили сохранить как самостоятельный проезд. Для неё было предложено два варианта наименования: *улица Ветеранов* и *проспект Трёх поколений*. Слово «улица» и второй вариант вычеркнуты, над «улица» вписано «проспект». Внизу следует приписка «лучше Ветеранов», ещё ниже — зачёркнутая приписка «пр», и просто приписка «проспект». Так было «откалибровано» название важнейшей магистрали юго-западных районов нашего города¹⁴.

Под номером 3 в списке идёт проезд вдоль железной дороги. В предлагавшемся варианте *улица Народного Ополчения* (уже не «Народных Ополченцев») первый элемент вычеркнут, над ним приписано «проспект» с указанием трассы «от Трамвайного пр. за Таллинское шоссе»¹⁵.

Наконец, под номером 7 идёт «Проектируемая ул. № 4» — «от пр. Стачек до проектируемой ул. Народного Ополчения». Здесь уже стоит безо всяких поправок вариант «улица Лёни Голикова» с соответствующим обоснованием¹⁶.

Стоит добавить, что в этом списке ещё для одной улицы исторического Дачного — Припарковой — под номером 5 предлагался вариант *улица Комсомолки Фроленковой* в честь бригадира комсомольской бригады формовщиков Кировского завода, погибшей от бомбы в апреле 1943 г., в ответ на что, как сказано в обосновании, «*молодёжь завода создала “смены мести”*»¹⁷.

Второй список¹⁸

Этот список, не очень большой, оставляет несколько странное впечатление. С одной стороны, кажется, будто он отражает подготовку к решению 1962 г.: в нём, например, значатся проспект Героев или улица Зины Портновой, в состав которой предлагается включить уже не Срединную, а Оборонную улицу, а последнюю (приведённую в границах «от Ждановской ул. до Красной ул.»¹⁹) — «*уразнить*» (sic!). Впрочем, в итоге этот вариант вычеркнут, и для улицы Зины Портновой оставлена только та трасса, которая существует с 1962 г. поныне. С другой стороны, в списке есть и улица Народного Ополчения — правда, только от Трамвайного проспекта до предлагавшейся трассы улицы Зины Портновой. По будущим проспекту Ветеранов или улице Лёни Голикова информации не приведено.

Третий список²⁰

В этом списке, преемственном к первому, но не ко второму, уже видно приближение к решению, принятому в итоге Ленгорисполком. В нём уже наличествуют проспекты Ветеранов и Народного Ополчения и улица Лёни Голикова. Вариант с переименованием Припарковой улицы в улицу Комсомолки Фроленковой присутствует, но вычеркнут²¹.

¹⁴ Там же. Л. 18. Вариант «проспект Трёх поколений» рассматривался также для будущего проспекта Славы (См.: Там же. Л. 27).

¹⁵ Там же. Л. 19.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 34–64 (по Кировскому району — л. 48–51).

¹⁹ Там же. Л. 48–49. Указанные границы примерно соответствует нынешним границам улицы Подводника Кузьмина (притом что Оборонная улица в Дачном была несколько длиннее): Ждановская улица проходила примерно по нынешней северной стороне проспекта Ветеранов, а Красная улица, точнее, Рабочий переулок, иногда в неё включавшийся, — чуть севернее нынешнего проспекта Народного Ополчения.

²⁰ Там же. Л. 65–84 (по Кировскому району — Л. 70–76).

²¹ Вариант «ул. Танкиста Хрустицкого», в свою очередь, рассматривался для Бульварной улицы в Сосновой Поляне (ныне улица Пограничника Гарькавого) (См.: Там же. Л. 23).

Итак, итоговые варианты наименования трёх улиц в Дачном в связи с Великой Отечественной войной были выбраны. Что же касается вопроса с переименованием одной из Оборонных улиц в Кировском районе, то здесь произошла следующая история. В первом списке между вторым и третьим пунктами (Срединная — Ветеранов и Народного Ополчения) был вписан вариант «Оборонная — Оборонь»²². Причём имелась в виду именно дачнинская улица Оборонь, так как вариант с переименованием Оборонной у Нарвских ворот в улицу Примакова значился в списке под номером 26 со ссылкой на наличие одноимённой улицы в Дачном. Однако эта Оборонная была зачёркнута, под ней было приписано «оставить», а местоположение было заменено на реально наименованную и существующую и сейчас *улицу Примакова*²³. А в третьем варианте в качестве нового наименования для дачнинской Оборонной вместо «Оборонь», которая зачёркнута, значится уже улица Подводника Кузьмина.

Стоит заметить, что первое предложение о наименовании одного из проездов в честь подводника Павла Кузьмина, погибшего в 1943 г., находится в материалах городской Комиссии по наименованию сразу после списка, предложенного Кировским райисполкомом²⁴. Кроме того, в материалах Комиссии уже за 1964 г. хранится «ПРОТОКОЛ совещания у тов. ВЕРИЖНИКОВА С. М. по вопросу рассмотрения проекта решения о переименовании, наименовании и ликвидации несуществующих улиц в гор. Ленинграде», датированный 4 января, то есть менее чем за две недели до выхода решения Ленгорисполкома. В частности, в этом протоколе Сергей Верижников, первый заместитель председателя исполкома, заметил следующее: «Есть предложение в Кировском районе оставить Оборонную улицу, в рабочем порядке вместо Оборонной улицы в Сосновой Поляне <sic!> дать другое название улицы»²⁵. Возможно, именно по итогам этого совещания и было решено сменить одно «военное» название улицы в Дачном (Оборонная) на другое (Подводника Кузьмина), что и отразилось в третьем списке предложенных наименований.

В итоге, как уже было сказано, 16 января 1964 года решение Ленгорисполкома вышло в свет, чем и были оформлены появление в Дачном трёх новых названий, связанных с Великой Отечественной войной, и смена ещё одного подобного названия на другое²⁶. Как было показано выше, варианты эти возникли далеко не сразу и по-разному. Так, вариант с увековечением памяти ополченцев появился ещё на стадии работы районной комиссии, и в дальнейшем просто оттачивались его форма и статус. На уровне городской комиссии сначала возникли варианты с проспектом Ветеранов и улицей Лёни Голикова, и уже, очевидно, позднее появилось предложение с переименованием Оборонной улицы в улицу Подводника Кузьмина. Ныне же все эти четыре проезда являются элементами топонимического ландшафта исторического района Дачное.

²² Там же. Л. 18.

²³ Там же. Л. 24.

²⁴ Пометки карандашом на белом листе: «ул. Подводника Кузьмина», выше — «жил в Кировском районе», ниже — «вести в окончательный вариант» (См.: Там же. Л. 13).

²⁵ Там же. Д. 560. Л. 90.

²⁶ При этом по топографическим картам 1960-х гг. и после переименования Оборонной улицы в улицу Подводника Кузьмина некоторое время участок улицы севернее проспекта Ветеранов сохранялся под прежним именем — Оборонная улица. Также и вторая дачнинская «военная» улица, названная в 1950 г., — улица Победы — несмотря на её ликвидацию к югу от проспекта Ветеранов, севернее его ещё продолжала существовать. К 1970 г. обе улицы исчезают с планов. При этом название «ул. Победы» ещё раз мелькнуло в документе, датированном 1982 г. Она упоминается как часть описания («от нр. Стачек до ул. Победы») Проезжей улицы (ныне Соломахицкий проезд), которую предполагалось формально упразднить, однако в итоге оказалось, что она не значится в Проектно-инвентаризационном бюро Кировского района. (См.: Там же. Оп. 55. Д. 476. Л. 48).

Е. П. Сизёнов

ТОПОНИМИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТИХВИНЕ

Один из трёх городов Ленинградской области, которым присвоено звание «Город воинской славы», — Тихвин. В указе о присвоении высокого звания сказано: «За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества». В чём же эти качества проявились?

Население Тихвина накануне Великой Отечественной войны составляло около 17 тысяч человек. В первые дни войны в ряды Красной Армии, в народное ополчение и в созданный в городе истребительный батальон ушло большинство мужчин призывного возраста. В июле в районе посёлка Березовик началось формирование 272-й стрелковой дивизии.

28 июня 1941 г. началась эвакуация в Тихвин ленинградских детей. В городе открыли дополнительные детские сады для юных ленинградцев.

В сентябре Тихвин стал прифронтовым городом. Тихвинцы вели масштабные оборонительные работы: копали противотанковые рвы, строили доты и дзоты, посадочные площадки для самолётов. Этим занимались около тысячи человек.

Днём и ночью тихвинские железнодорожники, несмотря на бомбёжки, несли боевую вахту. Вместо разрушенных путей прокладывали запасные, на которых формировались поезда с боеприпасами и продовольствием для блокадного Ленинграда. Безостановочное движение эшелонов обеспечивалось даже тогда, когда линия фронта почти вплотную приблизилась к Тихвину.

В октябре 1941 г. в Тихвине была сформирована сеть из восьми подпольных комсомольских групп, было создано 6 партизанских отрядов.

Установив блокаду Ленинграда, командование немецкой группы армий «Север» решило нанести удар через Тихвин на Лодейное Поле и соединиться с финскими войсками на реке Свирь. До соединения с финнами оставалось около 100 км. Образование второго кольца блокады сделало бы связь с Большой землёй через Ладожское озеро невозможной. Гитлеровское командование перебросило в район наступления дополнительные силы. 16 октября немцы перешли в наступление. Несмотря на ожесточённое сопротивление советских войск, 8 ноября они овладели городом. Взятие Тихвина означало потерю единственного пути, по которому Ленинград снабжался продовольствием, оружием и боеприпасами. А ближайшие базы снабжения располагались теперь в 320 км от него, в районе небольших железнодорожных станций Заборье и Подборовье.

На следующий день после падения Тихвина Ставка Верховного Главнокомандующего поручила генералу К. А. Мерецкову принять командование 4-й армией, отбросить противника и обеспечить железнодорожное сообщение на участках Тихвин — Будогощь и Тихвин — Волхов. В районе Волхова дислоцировалась 54-я армия, в районе Малой Вишеры — 52-я.

Ввиду исключительной важности поставленной задачи в распоряжение Мерецкова были переданы дополнительные силы и средства из резерва Ставки. Благодаря переброске войск с других направлений соотношение сил к середине ноября изменилось в пользу советских войск. И уже 11 ноября на отдельных участках фронта части Красной Армии атаковали немцев, не допустив их выхода на реку Свирь и к Ладожскому озеру. Упорными боями советские войска обескровили врага и создали предпосылки для перехода в контрнаступление, которое было намечено на 19 ноября.

К началу контрнаступления на фронте от Ладожского озера до озера Ильмень до тридцати дивизий действовало в составе трёх армий общей численностью 186 тысяч человек. Противостоявшие им войска 16-й немецкой армии насчитывали около 140 тысяч человек.

Немецкое командование придавало большое значение тому, чтобы удержать Тихвин. Перелом наступил 7 декабря. Войска 4-й армии решительно атаковали противника, сломали его сопротивление севернее и восточнее города и 9 декабря в упорном ночном бою овладели Тихвином. Город, 30 дней находившийся в руках противника, был освобождён.

Таким образом, с Тихвином связана одна из первых крупных побед советских войск в Великой Отечественной войне. Победа под Тихвином не только сорвала планы немецкого командования по окружению Ленинграда вторым кольцом блокады, но и отвлекла силы противника в момент решающего сражения под Москвой.

Цена победы была очень высокой. За время оборонительной и наступательной операций с сентября по декабрь 1941 г. потери советских войск составили 89 490 человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными. Тысячи солдат и офицеров сражались под Тихвином, за подвиги в боях девять военнослужащих были удостоены звания Героя Советского Союза. Всего за освобождение города получили награды 974 бойцов и командиров. Орденом Ленина были награждены 44 человека, орденом Красного Знамени — 370, орденом Красной Звезды — 310, медалью «За отвагу» — 106, медалью «За боевые заслуги» — 135. Указом от 17 декабря 1941 г. 7 войсковых частей и соединений Красной Армии были удостоены за Тихвинскую операцию ордена Красного Знамени.

С освобождением Тихвина путь доставки грузов в осаждённый Ленинград сократился в шесть раз. Железная дорога позволяла подвозить больше продовольствия, боеприпасов и топлива почти к самому Ладожскому озеру.

После освобождения Тихвинского края от немецко-фашистских захватчиков началась самоотверженная работа мирного населения по восстановлению населённых пунктов, предприятий, сельского хозяйства. В Тихвинском районе был организован среди населения сбор средств на строительство танковых колонн «Ленинградский колхозник» и «Народный учитель». Во время войны в Тихвинском районе располагалось 55 медицинских учреждений. Тихвинцы принимали большое участие в их обустройстве, уходе за ранеными.

Многие тихвинцы были награждены орденами и медалями за выполнение оборонных заказов и строительство оборонительных сооружений. Три уроженца Тихвинского края за подвиги на фронтах Великой Отечественной войны удостоились звания Героя Советского Союза.

Первое захоронение на центральной площади Тихвина было устроено сразу после освобождения города — 10 декабря 1941 г. Здесь хоронили по одному павшему воину из каждой части, принимавшей участие в освобождении города. Позже на площади были погребены и тихвинцы, погибшие за свой город. На месте захоронения установили деревянный обелиск с красной звездой, в 1946 г. его заменили мемориалом «Звезда Славы» с текстом: «Слава героям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., павшим в боях за свободу и независимость, отдавшим свои жизни за освобождение города Тихвина 9 декабря 1941 года от немецко-фашистских захватчиков». На плитах выбиты фамилии 39 воинов. Автор проекта монумента — академик архитектуры А. С. Никольский.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 октября 1974 г. за заслуги в защите государства, мужество и героизм, проявленные трудящимися в годы войны, Тихвин был награждён орденом Великой Отечественной войны I степени. Текст указа можно увидеть на мемориальной доске, находящейся на здании железнодорожного вокзала, и на стеле, установленной на площади Мерецкова 9 мая 2005 г.

В самом Тихвине, на въездах в город, в окрестных деревнях установлено много мемориалов, связанных с Великой Отечественной войной. Память о ней хранят названия 16 тихвинских проездов, из них 9 названы в честь героев войны.

Начать следует с *площади Мерецкова*. Генерал Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897–1968) на момент начала войны был заместителем наркома обороны СССР. На второй день войны, 23 июня 1941 г., Мерецков был арестован на основании показаний военачальников, репрессированных ещё в 1937–1938 гг., а также арестованного накануне генерал-лейтенанта авиации Я. В. Мушкевича. Обвинялся по трём пунктам статьи 58 УК РСФСР, содержался в Лефортовской тюрьме. Под пытками на предварительном следствии признал себя виновным. 28 августа Мерецков написал письмо Сталину с просьбой направить его на фронт. 6 сентября «освобождён на основании указаний директивных органов по соображениям особого порядка». Был назначен командующим 7-й отдельной армией, которая остановила наступление финских войск на реке Свирь. С ноября 1941 г. — командующий 4-й отдельной армией, участвовавшей в освобождении Тихвина. 17 декабря 1941 г. Мерецков был назначен командующим войсками вновь созданного Волховского фронта, участвовавшего в январе 1943 г. в прорыве блокады Ленинграда. В 1944 г. Мерецкову было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Когда в Тихвине в 1966 г. возобновили присвоение звания «почётный гражданин», первыми почётными гражданами стали шесть героев войны, среди них К. А. Мерецков.

На площади Мерецкова установлена мемориальная доска со следующим текстом: «Центральная площадь Тихвина названа в честь Героя Советского Союза Мерецкова К. А. 9 декабря 1941 года воины 4-й армии под командованием маршала Мерецкова освободили город Тихвин от немецко-фашистских захватчиков, сорвав планы полной блокады Ленинграда». Доска установлена в 1990-х гг.

Тогда же звание почётного гражданина было присвоено *Петру Кирилловичу Кошевому* (1904–1976). В Тихвине его именем назван проезд. В середине ноября 1941 г. части 65-й стрелковой дивизии под командованием полковника Кошевого были переброшены из-под Москвы в район деревни Астрачи. Дивизия держала оборону Астрачинского рубежа.

К. А. Мерецков

П. К. Кошевой

В. М. Зайцев

А. И. Ращупкин

А 5 декабря 1941 г. она двинулась в юго-восточном направлении вдоль линии железной дороги Будогощь — Тихвин и нанесла удар по немецким войскам. Этот бой стал поворотным моментом в сражении за Тихвин. Во время войны Кошевой стал дважды Героем Советского Союза (за освобождение Севастополя в 1944 г. и за взятие Кёнигсберга в 1945 г.). В 1968 г. он получил звание Маршала Советского Союза.

Улица Васильева названа в честь Александра Ивановича Васильева, помощника начальника городской пожарной команды. Он героически погиб во время авиационной бомбёжки железнодорожной станции Тихвин 14 октября 1941 г. С утра на станцию, где стояли поезда с ранеными красноармейцами и эвакуированными из Ленинграда женщинами и детьми, а также составы с боеприпасами и цистерны с горючим, налетели вражеские самолёты. Началась сильнейшая бомбёжка. Станцию заволочило дымом. Взорвалась цистерна с бензином. Железнодорожники растаскивали

составы, отцепляя от них горящие вагоны. Пожарные пытались укротить огонь, помочь людям вырваться из пекла. Помощник начальника А. И. Васильев, командир отделения П. Д. Загладов, рядовые бойцы Н. П. Фадин, И. А. Иванов, П. Я. Калистратов, И. Д. Тальбак — все они были здесь как солдаты на передовой. Не щадя своих жизней, они выполняли свой долг и погибли как герои.

В 1968 г. руководство Тихвинского отряда профессиональной пожарной охраны обратилось с ходатайством в Тихвинский горком КПСС и исполком горсовета об увековечении памяти погибших в этот день пожарных. В память об их подвиге на здании пожарной охраны была установлена мемориальная доска, а *Портовая улица* переименована в улицу Васильева.

Улица Зайцева названа в честь Василия Михайловича Зайцева (1910–1941). В ноябре 1941 г. 46-й танковый полк, где командиром одного из взводов служил младший лейтенант В. М. Зайцев, в составе 4-й отдельной армии был переброшен на реку Волхов для участия в разгроме тихвинской группировки гитлеровцев. 7 декабря 1941 г. взводу Зайцева было приказано выбить противника из деревни Лазаревичи, превращённой немцами в сильно укреплённый опорный пункт. Танкисты уничтожили три противотанковых орудия и несколько пулемётов. В ходе боя вражеский снаряд пробил бортовую броню танка командира взвода, машина загорелась. Зайцев приказал механику-водителю и наводчику покинуть её. Они выбрались через нижний люк и залегли поблизости, отстреливаясь от окружавших повреждённый танк немцев, а Зайцев открыл огонь из пулемёта. Он стрелял до тех пор, пока видел цель, пока руки были в силах держать оружие. Зайцев так и сгорел в своём танке. Геройски погибший экипаж был похоронен на месте боя, после войны перезахоронен в братской могиле на площади Свободы в Тихвине. Посмертно Зайцеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

В улицу Зайцева была переименована *Безбожная улица*, до революции носившая название *Введенской*. На доме № 1 установлена мемориальная доска, которая напоминает о том, что «Зайцев Василий Михайлович, Герой Советского Союза, младший лейтенант командир взвода сорок шестого танкового полка, совершил подвиг и погиб в боях за Тихвин 8 декабря 1941 года». Доска установлена в 1960-х гг.

Стрелок-радист экипажа В. М. Зайцева Андрей Иванович Ращупкин (1920–1941) сражался до последнего патрона и погиб вместе со своим командиром. Вместе они и похоронены. Ращупкин также удостоен звания Героя Советского Союза. В Тихвине его именем названа бывшая *Ивановская улица*. Мемориальная доска на *улице Ращупкина* утрачена.

На кладбище деревни Лазаревичи установлена стела в память Зайцева и Ращупкина. На этой же стеле фамилии 33 жителей деревни, отдавших свои жизни на полях войны.

Улица Кузьмина названа в честь Михаила Кузьмина (1915–1941). Политрук роты 46-го танкового полка Кузьмин совершил подвиг 29 ноября 1941 г. в ходе наступления на Пашский кордон, где находились сильно укреплённые позиции противника. Кузьмин был в головном танке КВ-2 и исполнял обязанности артиллериста. Уничтожив три бронеколпака и несколько пулемётных точек, КВ наткнулся на замаскированный немецкий танк и тут же метким выстрелом поджёг его. В это время другой танк противника в упор выстрелил из пушки по машине Кузьмина. Снаряд пробил броню и разорвался в танке. Весь экипаж, кроме Кузьмина, погиб. Политрук продолжал вести огонь по окружившим его немцам из зенитного пулемёта, отбивался гранатами, отстреливался до последнего патрона. Он предпочел сторесть в танке, но не попасть в руки врага. Посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Похоронен в братской могиле на площади Свободы в Тихвине.

Мемориальная доска на углу улицы Кузьмина и Советской улицы была установлена в 1960-х гг. Она сообщает, что «Кузьмин Михаил Кузьмич, Герой Советского Союза, политрук, комиссар роты сорок шестого танкового полка, совершил подвиг и погиб в боях за Тихвин 29 ноября 1941 года».

Улица Шумилова названа в честь Николая Яковлевича Шумилова (1924–1941), колхозника из деревни Сарожа под Тихвином. После захвата города немцами он ушёл в партизаны и погиб при выполнении боевого задания 9 декабря 1941 г., подорвавшись на mine вместе с Константином Нюрговским. Похоронен в братской могиле на площади Свободы. В *улицу Шумилова* была переименована *Воложбенская улица*.

Ещё один проезд — *улица Моисеенко* — носит имя почётного гражданина города Тихвина Николая Андреевича Моисеенко (1919–1996). В ноябре-декабре 1941 г. в звании лейтенанта он командовал ротой разведчиков 25-го стрелкового полка 44-й стрелковой дивизии, которая одной из первых с боем вошла в Тихвин, преодолев сопротивление немецкого заслона на территории Богородицкого Успенского мужского монастыря. После войны Моисеенко получил степень доктора экономических наук, преподавал в Ленинградском государственном университете и Сельскохозяйственном институте в Пушкине. Звание почётного гражданина Тихвина ему было присвоено в 1971 г.

М. К. Кузьмин

Н. А. Моисеенко

С предложением увековечить имя Моисеенко выступил совет ветеранов 44-й дивизии, и в апреле 2005 г. его имя получил сквозной проезд внутри 1-го микрорайона. В 2007 г. на одном из домов улицы Моисеенко установлена мемориальная доска. В 2009 г. на территории монастыря был установлен памятный знак в честь роты разведчиков.

Проезд Сушкевича назван в честь Владимира Даниловича Сушкевича (1916–2007). Во время войны он был машинистом паровозных бригад. Под авиационными бомбёжками и артиллерийскими обстрелами доставлял военные грузы к фронту, эвакуировал население и промышленные предприятия в тыл. С 1950 г. — начальник тихвинского паровозного депо. Почётный гражданин города Тихвина, заслуженный паровозник РФ.

С Великой Отечественной войной связан ещё ряд названий тихвинских проездов. Это *Партизанская* и *Красноармейская улицы*, *улицы Победы*, *Юных Разведчиков*, *Танкистов*, *Артиллеристов* и *проезд Бойцов 4-й Армии*. В большинстве случаев это переименования: улица Юных Разведчиков — бывшая *Петровская*, улица Танкистов ранее называлась *Кузнецкой*, улица Победы — *Полевой*. В улицу Артиллеристов была переименована *Нижне-Береговая*. Прежнее название Партизанской улицы — *Сенная*.

Мемориальная доска, объясняющая название, установлена только на одной улице — Партизанской. Текст её гласит: «Неоценимую помощь советским воинам в разгроме фашистских оккупантов оказывали народные мстители — партизаны. В июне 1941 г. в Ленинградской области было организовано 6 полков, 4 батальона и 100 отрядов партизан. В честь героических подвигов народных мстителей в годы Великой Отечественной войны названа эта улица». Доска установлена в 1960-х гг. и имеет многочисленные утраты красочного слоя.

Тихвинцы гордятся героическими страницами истории своего города и бережно хранят память о земляках, вставших на его защиту, о воинах Красной Армии, его освободивших. И почётное звание «Город воинской славы», присвоенное Указом Президента от 4 ноября 2010 г. — это признание высоких заслуг города и его жителей. 9 декабря 2011 г. на площади, носящей имя маршала Мерецкова, была открыта колонна «Город воинской славы».

А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев

ИМЕНА ГЕРОЕВ В ТОПОНИМИИ ПОСЁЛКОВ РОЩИНО И РЕШЕТНИКОВО

Две улицы в посёлке Рощино Выборгского района Ленинградской области и посёлке Решетниково, ныне отнесённом к Санкт-Петербургу и включённом в состав города Зеленогорска, названы в честь героев Великой Отечественной войны, защищавших Ленинград.

Имена В. А. Сухоцкого, Н. В. Решетникова и И. З. Шалавина начертаны на памятной стеле, установленной в центре Рощина. Почему именно эти воины были выбраны для увековечения, сказать трудно, ведь в свое время известно о них было, скорее всего, совсем немного.

Улица Шалавина — одна из главных улиц посёлка, протянувшаяся от Вокзальной улицы до Советской. До 1969 г. она именовалась *Колхозной*, и на ней до сих пор ещё сохранились дома характерной финской постройки. От «советского архитектурного творчества» их легко отличить по внешнему виду — прямоугольные в плане, без всяких архитектурных излишеств, с широкими, почти квадратными окнами, обитые мелкой вагонкой, они безмолвно напоминают о том, что не так давно (по историческим меркам) большая часть Карельского перешейка принадлежала соседнему государству. Частично эти дома выделяются и цветовой гаммой. Дело в том, что вскоре после войны все сохранившиеся жилые постройки в посёлке Райвола (с 1948 г. — Рощино) выкрасили одной и той же светло-синей краской (возможно, за неимением какой-либо другой) и долгие годы после этого не подновляли. Во всяком случае, сегодня, спустя десятилетия, многие из этих построек по-прежнему сохраняют тот же колер, хотя и изрядно поблекший от времени.

До 1970-х гг. улица Шалавина, пересекая Садовую, шла дальше по кривой (у нынешнего отделения Сбербанка от неё ответвлялся выезд на *Социалистическую улицу*) и выходила на Советскую там же, где и сейчас, у дома № 58/37 — одного из трёх каменных зданий, сохранившихся в Рощине с начала XX века (второе — это банк напротив через Советскую, третье — сильно изуродованная в последнее время бывшая керосиновая лавка на *улице Филиппова*).

Часть прежней трассы улицы Шалавина (до Сбербанка) существует и сейчас, только в виде пешеходной тропинки. Новый же съезд с Садовой на Советскую, прямой и широкий, появился только после того, как на месте прежних девяти участков (№№ 49/40 и 51 по улице Шалавина, №№ 42, 44, 46 и 48 по Садовой и №№ 1, 3 и 5 по Социалистической) воздвигли огромное здание, получившее № 49/40. В итоге сложилась необычная ситуация: теперь улица Шалавина состоит из двух отдельных участков, сдвинутых друг относительно друга метров на двести вдоль Садовой. Вдоль нового съезда построили жилой дом № 48 и новые здания почты и полиции (дома №№ 50 и 52). Домов №№ 46, 54 и 56 на улице больше нет. Территория между старой и новой трассами улицы Шалавина очень долго оставалась неблагоустроенной, и лишь в последнее время там появилось несколько жилых домов.

О самом Шалавине раньше было известно только его имя и отчество — Иван Захарович. В настоящее время в обобщённом электронном банке документов «Мемориал» о безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. можно получить сведения только об одном таком человеке — уроженце Симферополя 1905 года рождения, старшем политруке, пропавшем без вести в августе 1941 г., но без указания, где именно.

Улица Сухотского начинается от единственного в посёлке железнодорожного переезда и ведёт в Линдуловскую листовничную рощу; с этой же улицы осуществляется подъезд к товарному двору станции Рощино. Домов на ней немного, и все они послевоенной постройки; вдоль большей части улицы тянется лес.

Возможно, что это наименование вообще содержит ошибку, так как на памятнике в центре посёлка значится: «В. А. Сухоцкий». И здесь, очевидно, требуются дополнительные разыскания, поскольку банк документов «Мемориал» содержит сведения о двух соответствующих уроженцах

Ленинграда. Владимир Алексеевич Сухотский, старший сержант 286-го стрелкового полка, погиб 14 июня 1944 г. и был похоронен в деревне Мустала у станции Райвола. Значит, всё-таки он?.. Тем не менее там же находим сведения и о Владимире Алексеевиче Сухоцком 1922 года рождения, старшем сержанте 90-й стрелковой дивизии, убитом тоже 14 июня 1944 г. и похороненном в деревне Каснакан Териокского района...

Посёлок *Решетниково* до 1948 г. именовался *Пухтула*. Рядом с ним находится *Пухтолова гора*. В том же году она тоже была переименована — почему-то в *гору Камандную*, хотя это далеко не самая высокая точка в данной местности. Правда, до сих пор нам не приходилось слышать, чтобы её называли официальным именем, если вообще о нём догадываются. И по сей день все по-прежнему так и говорят: Пухтолова гора.

Сам посёлок исторически состоит из двух частей, поэтому по ходу компании по тотальной замене названий на Карельском перешейке они и получили самостоятельные имена — *Молодцово* и *Шурово*. Сведений о героях, в честь которых даны эти названия, достаточно.

Дмитрий Семёнович Молодцов (1908–1943) родился в деревне Плешки ныне Ржевского района Тверской области. Работал механиком на шхуне «Знаменка» Балтийской дноуглубительной базы. Участвовал в боях Великой Отечественной войны с июня 1941 г.: был стрелком 270-го полка 136-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта. 13 января 1943 г. юго-восточнее деревни Марьино (Кировский район Ленинградской области, ныне в черте города Кировска) подобрался к дзоту противника и несколькими гранатами заставил замолчать вражеский пулемёт. Когда же оружие врага вновь ожило, он, не имея гранат, накрыл амбразуру собственным телом. Звание Героя Советского Союза присвоено 10 февраля 1943 г. посмертно. Похоронен на городском кладбище в Кировске.

Александр Васильевич Щуров (1902–1942) — уроженец Петербурга. До войны работал вторым секретарём Дзержинского райкома ВКП(б). Формировал 5-й истребительный батальон 11-й стрелковой бригады полковника Н. К. Желнина. Старший батальонный комиссар 4-й «лёгкой» дивизии народного ополчения, 23 сентября 1941 г. преобразованной в 86-ю стрелковую дивизию. Воевал на Лужском рубеже, в районе Усть-Тосно и Колпина. Особенно ярко проявил себя в сражениях на Невском пятачке, в самые критические минуты вдохновляя бойцов на битву с фашистами. Будучи тяжело ранен 27 апреля 1942 г., скончался спустя два дня.

Останки героя были обнаружены в блиндаже на Невском пятачке ленинградским поисковым отрядом «Возвращение» после войны. Похоронен на мемориале «Невский пятачок». Его имя носят улицы в городе Отрадном Кировского района и в посёлке Дубровка (Невская Дубровка) Всеволожского района, а также Щуровское озеро в Выборгском районе.

Первоначальное название «Молодцово» долго не просуществовало — вскоре по каким-то соображениям оно было заменено на *Решетниково*. Однако имя Д. С. Молодцова с карт Ленинградской области не исчезло. В его честь назван посёлок в Кировском районе, построенный в 1970-е гг. как центральная усадьба совхоза (в полутора километрах от него находится центральный мемориал на Синявинских высотах). Есть улица Молодцова в городе Сертолово Всеволожского района, где перед местной средней школой установлен бюст героя, а в самой школе есть комната боевой славы. Другая школа имени Молодцова находится в Зеленогорске.

О том, кто такой Н. В. Решетников, практически ничего не известно. Даже его инициалы всё ещё никак не расшифровываются. Известен только год его гибели — 1940. Значит, участник советско-финской войны... Кстати, улица Решетникова в Петербурге хотя и получила своё имя в 1941 г., к нему отношения не имеет — она названа в честь ныне почти забытого писателя XIX века Фёдора Михайловича Решетникова, о чём в решении Ленгорисполкома есть специальное пояснение.

В 1957 г. к Решетникову было присоединено Шурово, но фактически оно по-прежнему остаётся отделённым от него поселением. Поэтому за ним прочно закрепилось имя *Пухтолова Гора*, теперь уже официальное. Сейчас и то, и другое — территориальные зоны в составе Зеленогорска. Самостоятельных улиц в Решетникове и Пухтоловой Горе пока не имеется, но если они всё же возникнут, появится замечательная возможность восстановить справедливость в отношении А. В. Щурова.

В. Н. Гурнович

«ПРОШЛИСЬ ПО КИРХЕНШТРАССЕ, СВЕРНУЛИ НА РУМЫНСКУЮ...»:

топонимия Крыма в годы Великой Отечественной войны

С 1 ноября 1941 г. в Симферополе был установлен «новый порядок» — глобальный террор против коммунистов и всех горожан, выражавших «антигерманские настроения». Расстрелы евреев, крымчаков, цыган...

В дни, когда на 10-м километре Феодосийского шоссе в противотанковом рве уже лежали тысячи растерзанных женщин, стариков и детей, марionеточное Симферопольское городское управление внесло свой вклад в искоренение «жидобольшевистского наследия». Первым делом оно (с подачи хозяев!) переименовало улицу и бульвар имени В. И. Ленина. С лица города были стёрты имена деятелей международного коммунистического движения — Карла Маркса, Розы Люксембург, Клары Цеткин, Дзержинского, Субхи... Вычеркнуты имена участников Октябрьской революции, гражданской войны и периода социалистического строительства — Володарского, Воровского, Войкова, Луначарского, Фрунзе, Куйбышева, Кирова, Калинина, Батурина, Слуцкого, Спера, Хацко, Шполянской, Урманера, Дзюбанова, Дзержинского, Горького, Чкалова, Стаханова... Оказались в чёрных списках и борцы за народное счастье, которые ни к большевикам, ни к евреям никакого отношения не имели: лейтенант Шмидт, Желябов, Герцен, декабристы, Пугачёв, Разин...

Понятно, что изменению подлежали названия улиц, имевшие прямое или косвенное отношение к коммунистическим ценностям и Советской власти: *Большевицкая*, *Интернациональная*, *КИМа* (в честь Коммунистического интернационала молодежи), *Комсомольская*, *Красноармейская*, *Красногвардейская*, *Красных Подпольщиков*, *Партизанская*, *Пионерская*, *Пролетарская*, *Пограничников*, *Октябрь*, *Профсоюзная*, *Делегатская*, *Челюскинцев*... В этот же список попали *Ноябрьский бульвар* и *Октябрьская улица*. По иронии судьбы разделались и с *Февральской улицей*. Она, кстати, стала последней переименованной в период оккупации. Впрочем, об этом ниже...

Естественно, переименовали переулки, напоминающие о «расово неполноценных» народах, — *Крымчаковский*, *Цыганский*, *Еврейский*.

Переименование происходило в несколько этапов. И, надо отметить, весьма бестолково. Например, такие имена с явным коммунистическим содержанием, как *Красноармейская*, *Комсомольская* и улица *Калинина*, были уничтожены спустя четыре месяца после безобидного названия *Коммунальный переулок*. Неужто верным исполнителям мерещился здесь призрак Парижской Коммуны?

К августу 1942 г. городское управление разделалось с именами 69 улица, переулков и бульваров. Последнюю, семидесятую улицу, собственноручно переименовал... германский офицер. Зачем формальности? 6 августа 1943 года профашистская газета «Голос Крыма» сообщила: «*В соответствии с распоряжением господина Городского комиссара г. Симферополя Февральская улица переименована и называется "Тотская улица"*».

В этом же номере газеты (в уголке и мелким шрифтом!) — сводка Верховного командования вермахта: «...*В ночь с 5 на 6 августа без всяких помех со стороны большевиков была произведена в порядке укорочения фронта уже давно намеченная эвакуация города Орла*». Примечательно, что после сокрушительного разгрома немецких войск на Курской дуге пыл переименований улиц в Симферополе иссяк. Стало не до улиц и всяких переулков! 11 августа газета выходит с аншлагом: «*Крым — несокрушимая антибольшевистская крепость на Черном море*». А советские войска уже в непосредственной близости от полуострова...

Так была сорвана идея Альфреда Розенберга переименовать Крым в *Готенланд*, Симферополь — в *Готенбург*, а Севастополь — в *Теодорихсгафен*. С этой инициативой «специалист по Восточным областям» ознакомил Питлера ещё в декабре 1941 года.

Однако вернёмся к нашим многострадальным улицам. Возникли и новые названия. Например, *Немецкая* (в советский период — *Карла Либкнехта*, до революции — *Долгоруковская*). Уважали гитлеровцы и своих союзников. Бывшая *улица Желябова* (ранее — *Губернская*) стала *Итальянской*, а *Румынской* нарекли *улицу Володарского* (старое название — *Верхне-Петропавловская*). Почему-то забыли азиатского союзника по Антикоминтерновскому пакту — Японию... Возвращались и старые дореволюционные имена, нейтральные по идейно-историческому содержанию. Например, *Салгирная*, *Феодосийская*, *Кладбищенская*...

Были ли протесты со стороны, как принято у нас говорить, общественности? В августе 1942 г. «Голос Крыма» публикует письмо, подписанное анонимной «группой старожил». Авторы недоумевают, почему *улицу Куйбышева* переименовали в *Длинную*: «Хотя большевики давали четыре разных названия улице, в населении она всегда называлась и теперь называется *Шаховской*». Старожилы объясняли, что Шахов, бывший крестьянин, «...построил большую народную школу, мельницу, электростанцию, кожевенный завод, парники; и Бахчи-Эль, и Красная Горка своим развитием обязаны Шахову. Почему бы... не оставить название улицы его имени как доказательство того, что может сделать простой русский человек?».

Если говорить откровенно, это был явный прокол холуйски зависимой от немецких властей редакции. Именно в этом письме — естественно, в очень сдержанной форме — было выражено осуждение произвола в переименовании улиц. Кстати, «Голос Крыма» печатал немало откликов читателей, где одобрялись и приветствовались действия немецких солдат, германского командования и лично Адольфа Гитлера.

Итак, переименование улиц достигло, по мнению оккупантов, идеологической цели: выкорчевано все советское, а заодно преданы забвению имена людей, которые напоминали о многовековой государственности России...

Закономерна была и методика переименований. Предписывалось новые названия давать на двух языках: сначала (!) — на немецком, а потом — на русском. Например, *Тюрменгисгассе* — *Тюрменский переулок* (бывший *переулок Дзюбанова*). Или *Кирхениттрассе* — *Церковная улица* (бывшая *улица Пугачёва*).

Многие военные, карательные и хозяйственные акции фашистов поражают современного исследователя четкой организацией, планомерностью и неукоснительным исполнением. Однако бестолковщина с переименованием улиц в Симферополе была поразительной! Складывается впечатление, что клерки из городского управления невольно делали всё для того, чтобы создать немецким патрулям, шоферам и службе безопасности трудности. Ведь переименование улиц осуществлялось после того, как топографы вермахта в 1941 г. подготовили подробный план Симферополя с довоенными, т. е. советскими названиями улиц и переулков.

Чехарда с названиями улиц дополнялась неразберихой с номерами домов. В июне 1942 г. «Голос Крыма» свидетельствовал: «*Номера домов или перепутаны, или их нет совсем. И так по всему городу*». А может, путаницу с номерами осуществляли патриоты-подпольщики? Не исключается и такая версия: так было в Чехословакии в 1968 году.

Переименование улиц в период оккупации происходило во всех населённых пунктах — городах, поселках, деревнях...

В январе 1943 г. (когда в Сталинграде окруженная армия Паулюса отсчитывала последние дни существования) в деревне Бор-Чокрак под Симферополем одним махом переименовали все 18 улиц. Подчеркиваю — все: *Колхозную* и *Чатырдагскую*, *Октябрьскую* и *Шевченко*, *Луговую*

и *Фельдшерскую*... Вместо них дали «древесные» названия — *Ивовую*, *Сосновую*, *Топольную*, *Еловую*. Фантазии явно не хватало. Поэтому и появились *Платановая*, *Пихтовая*, *Пальмовая*... Отродясь в Бор-Чокраке не росли столь экзотические деревья.

В поселке Свобода *улицы Шмидта*, *Мичурина*, *Школьную* и *Кривой переулок* нарекли именами времен года — *Зимняя*, *Летняя*, *Осенняя улицы*, *Весенний переулок*.

В деревне Богурта (ныне — Каменка) реформаторы взялись за сельское хозяйство. *Улицы Ворошилова*, *Леваневского*, *Водопьянова*, *Пролетная* стали *Молочной*, *Картофельной*, *Пшеничной*, *Гороховой*...

Все улицы Жигулиной рощи (тогда это был пригород Симферополя) назвали цветочными именами: *Фиалковая*, *Сиреневая*, *Лавандовая* и т. д.

В Бахчисарае *улицу Ленина* (до революции — *Базарная*) переименовали в честь генерал-фельдмаршала фон Манштейна — «*освободителя Крыма от коммунистического кошмара*». Незадолго до того как «отцы» Бахчисарая выступили с инициативой подтвердить свои верноподданнические чувства, сам Манштейн так рассматривал будущее покоренных областей: «*Еврейско-большевистская система должна быть уничтожена... Положение с продовольствием в стране требует, чтобы войска кормились за счёт местных ресурсов, а возможно большее количество продовольственных запасов оставалось для Рейха...*».

Из переименованных улиц Севастополя (почти все они лежали в развалинах!) необходимо отметить *Исторический бульвар*. 27 июня 1943 г. на Братском кладбище героев первой обороны Севастополя был разыгран пропагандистский спектакль с перезахоронением праха генерала Тотлебена. На торжественно-траурной церемонии комендант города подполковник Ган отметил: «*Германские вооруженные силы чтят в лице Э. И. Тотлебена не только знаменитого генерала, выдающегося военного инженера XIX столетия, но также мужа германской крови. Тотлебен — потомок старинного германского рода... Его работы доказали, что могут совершать германская воля и преданность целям*». И характерно, что местная управа заранее приняла решение о переименовании Исторического бульвара в *бульвар Тотлебена*.

Переименовывались населенные пункты, колхозы и совхозы, почти повсеместно сохранившиеся как «государственные хозяйства», промышленные предприятия, артели. Концлагерю, который находился на территории бывшего совхоза «Красный», оставили большевистское название. Официально эта фабрика смерти считалась «государственным хозяйством». «Имение “Красный” — одно из прекрасных и благоустроенных мест в окрестностях города», — цинично сообщал «Голос Крыма» 30 мая 1943 г.

После того как 13 апреля 1944 г. город Симферополь был освобожден от немецко-румынских оккупантов, все приказы и распоряжения оккупационных властей были автоматически аннулированы. Все улицы и переулки города вернули свои довоенные названия. При этом в архивах или где-либо ещё не удалось обнаружить никаких распоряжений советских властей на сей счет, ибо для них имена собственные, установленные ненавистным врагом, не имели силы. Так, например, до войны в Симферополе существовала главная больница Крымской АССР, которая называлась «1-я Советская». В период оккупации это был немецкий военный госпиталь с соответствующим названием. Понятно, что в 1944 г. вернулось довоенное название больницы (в народе «Перво-советская»).

Анализируя материалы семидесятилетней давности, ещё раз осознаешь: ни один деспотический режим никогда не считается с человеком. Какой там человек, когда тоталитаризм готов уничтожить целые народы! Зачем ему считаться с неотъемлемым правом человека — правом жить, и жить свободным? А уж названия улиц, по которым ходит этот человек, на которых живет, — и вовсе мелочи.

Сведения об авторах

АЛЕКСЕЕВ Алексей Юрьевич

Краевед. Выпускник факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А. И. Герцена. Кандидат исторических наук. Ведущий библиотекарь Фундаментальной библиотеки императрицы Марии Фёдоровны при РГПУ им. А. И. Герцена. Постоянный автор газеты «Муниципальный вестник «Княжево», публиковался в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (темы статей — история юго-западных районов Санкт-Петербурга, городская топонимия), неоднократный участник районной краеведческой конференции «Встречи на Петергофской дороге».

ВЛАДИМИРОВИЧ Алексей Георгиевич

Краевед. Автор многочисленных публикаций по истории и топонимике Санкт-Петербурга, один из авторов книги «Городские имена сегодня и вчера: Петербургская топонимика» (1997), один из разработчиков и составителей «Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга» — первого оригинального документа подобного рода в истории города. Как один из авторов и титульный редактор «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2002) удостоен Анциферовской премии (2003). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

ГУРКОВИЧ Владимир Николаевич

Крымский публицист, историк и краевед, член Союза русских, украинских и белорусских писателей АРК. Родился в 1945 г. в Куйбышеве. С 1949 г. живёт в Симферополе. Окончил исторический факультет Крымского педагогического университета им. М. В. Фрунзе (1967). Работал инструктором пешеходного туризма, преподавателем истории и обществоведения в школе, научным сотрудником в Бахчисарайском, Крымском краеведческом музеях, шофером грузового автомобиля Крымского хозрасчетного строительного-реставрационного участка Украинского общества охраны памятников истории и культуры, в Симферопольском государственном университете им. М. В. Фрунзе, Научно-исследовательском центре памятниковоохранных исследований Республики Крым. В начале 1980-х гг. был одним из первых энтузиастов в деле возрождения разрушенных и забытых памятников периода Крымской войны 1853–1856 гг. Автор многочисленных работ о памятниках истории и культуры Крыма, публиковавшихся. Лауреат Государственной премии Республики Крым (1997), премии им. Александра Бертье-Делагарда Крымского республиканского фонда культуры (2000), Международного открытого рейтинга популярности «Золотая Фортуна» (2001), заслуженный работник культуры Республики Крым (2005). В 2015 г. за большой вклад в сохранение истории России награждён медалью «Помним. 1941–1945».

ЕРОФЕЕВ Алексей Дмитриевич

Журналист, краевед, собственный корреспондент «Парламентской газеты» по Петербургу и Ленинградской области. Автор многочисленных публикаций по истории города и проблемам культуры и транспорта, в том числе в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Смена», «Экономика и время». В составе авторского коллектива «Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» удостоен Анциферовской премии (2003). Руководитель семинара по архитектуре и топонимике города в Юношеском университете Петербурга при Городском дворце творчества юных. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

МАРТЫНОВ Геннадий Георгиевич

Окончил Ленинградский государственный институт культуры им. Н. К. Крупской (ныне Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств). Библиограф, историк литературы, журналист. Лауреат премий Ленинградской областной избирательной комиссии (2011) и Центральной избирательной комиссии РФ (2012). Победитель первого киришского открытого городского краеведческого конкурса «Наследники бестужевских традиций» в номинации «Лучшая публикация о Киришах в областной прессе» (2012). Дипломант литературного конкурса «Неизвестный Петербург» (2013). Один из авторов «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

РЫЖКОВ Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2008 г. Один из авторов «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

СИЗЁНОВ Евгений Петрович

Родился и живёт в Колпине. В 1994 г. окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Работал экономистом на промышленных предприятиях. С 2003 г. — заместитель генерального директора лакокрасочного завода «Кронос СПб». Автор нескольких книг, в том числе «Истории Колпина» (2007, в соавторстве), «Топонимика исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпина в стихах и песнях» (2011, в соавторстве), а также публикаций в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (рубрика «Наследие»). Автор раздела «Колпинский район» в «Большой топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (совместно с Р. С. Иволгой, 2013).

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№ 2/2015

От редакции.....	1
<i>Г. Г. Мартынов.</i> Одним дыханьем с Ленинградом	2
ПИСЬМА ИЗ БЛОКАДЫ	5
<i>А. Б. Рыжков</i> Имя на табличке — нить в лабиринтах истории.....	25
<i>А. Ю. Алексеев.</i> Наименование «военных» улиц в Дачном в 1964 г: детали предыстории.....	31
<i>Е. П. Сизёнов.</i> Топонимия Великой Отечественной войны в Тихвине.....	35
<i>А. Г. Владимирович, А. Д. Ерофеев.</i> Имена героев в топонимии посёлков Рождино и Решетниково.....	41
<i>В. Н. Гуркович.</i> «Прошлись по Кирхенштрассе, свернули на Румынскую...»: топонимия Крыма в годы Великой Отечественной войны.....	43
Сведения об авторах.....	46

Издание подготовлено СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»
при поддержке Комитета по культуре Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург, ул. Рубинштейна, 8

Тел./факс: +7 (812) 570-40-45

Email: toponim@spbicp.ru. Сайт: www.spbicp.ru

Состав редколлегии: Зонин А. С., Ерофеев А. Д., Басов С. А., Никитенко Г. Ю., Хацкевич Е. П.

Главный редактор: Скрелин П. А. Ответственные редакторы: Владимирович А. Г., Рыжков А. Б.

Редактор: Мартынов Г. Г.

Оригинал-макет и печать: «Профи-Центр»

Полное или частичное воспроизведение издания запрещено без
письменного разрешения СПбГБУК и ДО «Институт культурных программ»